

ЮСИФ ГАСАНБЕК ПРОБУЖДЕНИЕ

Повесть

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

Я работал художественным редактором в музыкальном издательстве. В отличие от скучных, угнетающих, давящих своей тишиной подобных заведений, наше наполнило скорее филармонию. Классические музыкальные произведения здесь проигрывались на фортепиано и редактировались, в исполнении выдающихся певцов и певиц прослушивались песни и романсы и только после этого подписывались к печати. В те годы я был членом художественных советов, имеющих особые полномочия. По этой причине мои песни, написанные в соавторстве с известными композиторами, принимались без проволочек и очень скоро становились популярными. Спектакли по моим пьесам проходили с аншлагами, а опубликованные романы и повести вызывали резонанс. Все, что выходило из-под моего пера, неизменно получало положительные отклики у критиков. Художники, которых я приглашал в издательство для оформления книг, поэты и писатели в дорогих ресторанах устраивали для меня богатые угощения, и обильные застолья тянулись неделями.

Издательство закрылось. Рыбу выбросили на берег. Черепаха перевернулась на спину. Я стал чужим в мире искусства. В редакциях мне уже не были рады. Мои сборники стихов и прозы, переводы издавать не торопились. Хоть я и оставался свободным писателем, однако творческих привилегий я все-таки лишился. Помаевшись какое-то время, я решил вернуться в свой город, к родному очагу.

На автовокзале в Губе меня встретили одноклассники и друзья детства.

Прием в честь возвращения начался в ресторане «Губа», знаменитом своими цыплятами-табака, затем в забегаловке «Деведабаны» и завершился в полутемном кафе «Гюлистан», пропитанном запахом обожженного кирпича.

Везде меня встречали тепло. Я слышал, как мне вслед говорили: «каков отец, таков и сын», «ходячая энциклопедия», «кто называет себя поэтом, должен открыто сразиться с ним». Некоторые городские «интеллектуалы» останавливались, жали мне руку. Мне так и хотелось сказать им: «Ну где ты, и где я, я – поэт не какой-то маленькой провинции, как вы, а большой страны, можно даже сказать, мирового значения! И знамя своей поэзии я вознесу до вершины устада Низами», но, набравшись терпения, я молча слушал их.

Юные девушки при виде меня замедляли шаги и смущенно жались друг к другу, глядели широко раскрытыми глазами на мою высокую, статную фигуру, на аккуратно зачесанные, с ровным пробором, блестящие волосы, жадно разглядывали на мне распахнутую кожаную куртку и хихикали по-детски, и звуки этого смеха, как дуновение воздуха от веера, еще больше разжигали чувства в моей душе.

Некоторые братки со словами «чем можем быть и поэту?» тянули меня в ресторан, а я, не решаясь сказать «я ведь вас не знаю», искусственно улыбался этим искренним приглашениям, а потом ругал себя.

Тоскливые дни, собираясь в месяцы, тянулись вереницей. Безработица, бедность усугублялись, все это тяжким грузом оседало в моей душе.

Мои так называемые «друзья», когда-то считавшие за честь чокнуться со мной бокалами, теперь, не глядя на меня, проходили мимо, когда-то громогласно разглагольствующие о дружбе и верности, теперь, завидев меня, переходили на другую сторону улицы.

Как же все-таки притягательна слава, она зачаровывает. Вначале я просто купался в ней, наслаждаясь каждым днем. Говорил, что это и есть рай, описанный Аббасгулу-агой Бакихановым в «Гюлистан-Ирем». На самом деле оказалось, что это территория лентяев, не желающих признавать, что есть слово «работа», неудачных картежников, пьяниц, месяцами, годами не выходящих из запоя.

А я, пытаюсь избавиться от этого очарования, все больше и больше погружался в этот зачарованный мир. Я все еще улыбался, однако сердце мое обливалось кровью. Но, несмотря ни на что, я держался бодро и никому не показывал своих чувств. Выйти из создавшегося положения должен был я сам.

Я пошел на центральную почту. Сотрудник в переговорном пункте поздоровался со мною. Он наизусть знал номер, по которому я звоню. Сообщил, что он как только получит соединение, пригласит меня в кабину.

Настроения не было. На улице ливень, бьющий в ритме джаз-оркестра, мог бы оживить уснувшие надежды и вдохнуть в них новую жизнь.

... А я вне мира литературы был одинок и беспомощен.

Диспетчер позвал меня и указал пальцем на освободившуюся кабинку. Всю свою надежду я связал с «Гоздесте Балададаш ами», который когда-то работал начальником милиции в шекинском, гейчайском и уджарском махалах и обещал устроить меня на работу в Баку. Услышав мой голос, дальний родственник откашлялся: «Не торопитесь, когда будет подходящая работа...» Я перебил его: «Ами, дорогой, моя жизнь схожа с существованием бездомной дворняги, которая бесцельно слоняется по дворам. Вы, слава Богу, обеспечены. У тех, кто приходит к вам с дарами, дела быстро налаживаются. Дети, зятья вам помогают. И маузер ваш всегда наготове. А у меня только поломанное ружье, да и у того ни единого патрона! Ради Бога, поторопите тех, кто пообещал вам работу для меня...»

Отбойные гудки выстрелом ударили в висок.

Жестоко. Только теперь я понял слова великого Сабира о тех, у кого вместо сердца в груди камень: «Почему ты наградил, Аллах, нас кровью ледяной?». Вдруг я осознал, что стою у «Ворот падишаха» в нарядной верхней одежде, скрывающей под собой отрепья. Даже ногти моих друзей по пирушкам не поменяю я на липовых полковников. Войти внутрь? Потом все будет выглядеть очень даже естественно. Не будет раздражать равнодушные окаменевших сердец. Разве не здорово жить и не зависеть ни от кого, не стесняться и не прятаться? Но нет, не хочу жить бессовестно и нагло. Почему я стал таким беспомощным? Я известный поэт. Член Союза писателей.

Поеду в Баку, вломлюсь в кабинеты секретарей, заставлю их помочь мне выйти из этого положения. По телефону всего не скажешь. А лицом к лицу не посмеют отказать мне. Но как добраться до Баку? В кармане ни копейки. Надежда оставалась только на проезжающие мимо «Ворот падишаха» попутные машины.

Дальнбойщики из России, проехав крутую и извилистую дорогу, обычно останавливались у подъема к мосту через реку Гудиалчай, чтобы передохнуть. Я могу подойти к какому-нибудь пожилому водителю, поговорить с ним и как-нибудь уговорить его довезти меня до Баку. А там, в Союзе писателей, я уже буду не уговаривать, а требовать у председателя Мехти Гусейна восстановления моих прав.

Пройти бы к тому подъему через эти «Ворота падишаха»! Что мне теперь делать? Войти туда – опять появится водка в граненых стаканах и будет без тостов выпиваться залпом, начнутся разговоры о былых возможностях, когда и Кура, и Араз были по щиколотку. И тогда сегодняшней день ничем не будет отличаться от вчерашнего. И есть опасение, что завтрашний день будет таким же, как и сегодняшний.

Был полдень. Я отошел от соблазнительных «Ворот», перешел дорогу и встал в тени растущего там дуба. Этот дуб был не из тех развесистых счастливиц, в ветвях которых пели дрозды и скворцы. Он был хилым и невысоким. Горев-работники, прокладывая тут дорогу, закидали его асфальтом, и корни несчастного дерева стали засыхать. Дуб стал жертвой безразличия и бессердечности. Если бы он смог разрастись, тогда по осени он служил бы «дорожным знаком» для журавлиного клина, а по весне стал бы зеленым маяком для возвращающихся с зимовья птиц. ...Одна из ветвей дуба умудрилась как-то проникнуть во двор поликлиники. Острые концы железных прутьев забора, истязая, медленно убивали прокраившуюся во двор ветку. Нет, я не буду искать извилистых путей! Спину сгибать не стану! Но в Баку журналы и газеты просто оккупированы стихами и рассказами одного моего друга. На всех телевизионных каналах, куда не переключишь, везде его голова торчит. Он сейчас на хорошей должности сидит. «Кому везет, тому солнце и ночью светит». Превратился в александрийский маяк в лазурном океане поэзии. Скособочился аж под тяжестью орденов и медалей. Под ним «Жигули-06», в кабинете телефон прямой связи с трехзначным номером, правительственные телефоны с четырехзначными номерами. На вечерах поэзии юные красавицы бросаются к нему с поцелуями. А кто я? Вся боль души моей строка за строкой выливалась в стихи.

*Ты поэт.
И я поэт.
Ты на коне,
И мир весь твой!
А меня и Бог покинул,
Даже дети взоры прячут.
Ты поэт, и я поэт, –
Ты возглавляешь все списки.
А я – «и другие».
Твоя могила на Почетной аллее,
Будет утопать в цветах!
А мой труп – на кладбище «Волчьих ворот»
Утонет в дождях и в селях!..*

Я поднял голову. Господи, как же красиво и завораживающе! Тополиные листья под лучами солнца золотились в вышине. Свет струился сквозь листья, освещая аллею парка, ведущую на вершину Шахдага.

Что же мне так не везет-то? Меня пробрала ледяная дрожь. Я повернулся и посмотрел на «Ворота падишаха». Пойти туда? Вернуться? Может, это как-то успокоит меня?

Тополиный лист, скользнув по моему плечу, упал на землю. Края его пожухли и свернулись, и он был похож на миниатюрный старый чарык. Мог бы этот лист упасть в другом месте и в другое время? Мог бы. Но то, что он упал именно сейчас под мои ноги, казалось, имело какое-то особое значение.

Нет. Хватит! В лесах Гашреша под дождем и снегом извелась душа моя. Чего я только не натерпелся, пока довез до городского рынка арбу с дровами, чтобы поместить их на буханку черного хлеба! Хватит. Как-никак, а все-таки я довольно известный поэт. Писатель должен возвращаться в литературных кругах, писать, публиковаться. Великий пролетарский писатель Максим Горький писал утонченному Чехову: «Уважаемый Антон Павлович! Я живу и пишу в далекой провинции. Но мне кажется, что тут мне не хватает воздуха. Вокруг меня нет коллег, с которыми я хотел бы поделиться тревожащими меня вопросами. Но я также хорошо знаю, что литературные городские круги полны сплетен, зависти, наговоров и лжи».

Дальновидный Чехов ответил очень коротко: «К сожалению, вы правы. Но писатель, остающийся за пределами литературного круга, подобен птице с одним крылом. А с одним крылом летать невозможно».

...Небо было прозрачно-голубым. Самолет, вылетевший из-за гор, стремительно разрывал эту голубизну, оставляя за собой черный след, который колыхался в воздухе, как веревка на виселице. След стал распадаться. Разорванные облака трансформировались и приняли форму человека. Что это, Господи? Погоди, может, Бог указывает мне путь?! Я должен наложить на себя руки. Может, прямо у этого тополя?! Я схватился за голову и какое-то время оставался недвижим. Сердце зашлось. Мне захотелось простора. Я вскинул руки к небесам, к Богу. Но что это? Я всмотрелся. На вершине «Qizil Qaya» стоял человек. Он снял пиджак и, широко размахнувшись, швырнул его вниз, разорвал на себе брюки и также бросил их вниз. В белом нижнем белье он замер на вершине, как памятник. Он размахивал руками, грозя кому-то кулаком. Внизу началась сумятица. Старики, дремлющие на скамейках у «Ворот падишаха», вскочили со своих мест. Полупьяные клиенты ресторанов, наспех вытерев рты рукавами, устремили свои взгляды на стоящего на вершине человека. Стоящие у подъема к мосту люди сбились в кучу. Проезжающие машины остановились. Мелкие торговцы, торгующие на перекрестке зеленью, шором, сливками, семечками и сигаретами, поспешили к площадке перед подъемом. Повара из ресторана «Шахдаг», продавцы из рыбного магазина, врачи и больные из поликлиники, – все высыпали на улицу и уставились на вершину горы «Qizil Qaya». А герой этого события то метался из стороны в сторону, то размахивал руками, то прыгал. На площадке у подъема яблоку негде было упасть.

Слышались различные комментарии:

– Ты только посмотри на этого Араба Мустафу! Молодец! Смотри, куда взобрался! Мы знали, что он задира, скандалист и даже убийца. Но оказывается, у него еще и альпинистский дар есть!

– Эх, бедняга, только недавно вышел из тюрьмы. Ну и что, что он вор, он свой срок отсидел. В поисках работы обращался и в райком, и в исполком. А ему отказали. Вот он и взобрался туда в знак протеста. Вот же, если бы мне сказал, то и я с ним поднялся бы туда. Тьфу на этот закон! – с этими словами пышноусый Музаффар в сердцах швырнул кожуру от семечек в спину стоящего перед ним человека.

Дорога, ведущая к подъему, окуталась плотным слоем пыли от карет «скорой помощи», пожарных машин, мотоциклов гаишников и милицейских автомобилей, устремившихся вверх.

– Товарищи, скорее, спасем Араба Мустафу! – раздалась слова из громкоговорителя. – Что ты замер? Растерялся? Давайте, бегите на вершину «Qizil Qaya»!

Ни ум, ни знания, ни талант, ни широкое мировоззрение не помогут тому, кто не может устроить свою жизнь! А ты посмотри на человека, который и имя свое написать не может, посмотри, как он устраивается в жизни. «Высокомерный всегда остается в проигрыше. Но нет! Нет, я согласен умереть, но не опущусь до такого состояния. Я бек и сын бека, и потом – я духовный внук и последователь великого Физули», – терзаясь, думал я и медленно продвигался к вершине. Вдруг внутри меня раздался голос: «Подожди! Не иди проторенной тропой! Смерть поэта должна быть такой же оригинальной, как и его стихи. И потом, Араб Мустафа поднялся на эту гору не покончить с собой, он просто артистничал. Самоубийство – признак слабости!»

...

Я вспомнил пьесы, которые мы ставили в драмкружке в Педагогической школе.

Роль, сыгранная мной в пьесе «Вешние воды», стала поворотной и сыграла роль маяка в моей судьбе. Разве это не счастье, не веление судьбы?! С этой пьесой мы участвовали в конкурсе, его посмотрел автор, и моя игра ему понравилась, это очень воодушевило меня, кроме того, он приобщил меня к литературе.

Посоветовавшись, мы приняли решение. На этом конкурсе первое место должно быть нашим. И вот после этого-то и должно было начаться что-то грандиозное. Другие коллективы позеленеют от зависти, а нас, посадив на машины, повезут в Баку. Мы прославимся на весь мир. В газетах во всю полосу будут печатать наши фотографии, о нас будут говорить по радио, показывать по телевидению.

– Больше всех понравится мое исполнение, – похвастался Нурага. – Меня сразу возьмут стажером в театр. А потом по одному звонку меня примут в Театральный институт!

Конечно. Кто не хочет взобраться на вершину Олимпа? Иметь помощников, несущих за ним чемоданы, носить дорогие костюмы. И чтоб твои двери штурмовали журналисты, мечтающие взять у тебя интервью. Ох, Нурага, сам не осознавая того, он невидимыми нитями связывал меня с профессией актера.

Но без труда не выловишь и рыбку из пруда....

Я был одним из самых активных участников драмкружка. Слово меня мать родила на сцене. На конкурс мы подготовили драму Самеда Вургуня «Вагиф». Но мы предполагаем, а Бог располагает. Наши ожидания не оправдались. Бугдам, высокий и красивый парень, который должен был играть Вагифа, тяжело заболел.

– Ну и что? Что с того, что Бугдам заболел? На нем что, свет клином сошелся? Что, я не смогу Вагифа сыграть?! Да, ростом я не вышел, но могу надеть туфли на каблуках. Я лысый, но могу надеть парик Яго из «Отелло», – подступил к руководителю драмкружка Нурага, кривя нижнюю челюсть.

Он был отличником. Никто из нас не мог состязаться с ним в алгебре и геометрии. Но никто не мог сравниться с ним и в способности на пустом месте затеять спор и ссору. Даже когда у доски отвечал, нос его краснел, как редиска, глаза пучились, дыхание становилось прерывистым.

В репетиционной комнате стоял гвалт.

Руководитель драмкружка не ответил Нураге.

– Ребята, одну минуту, успокойтесь, – сказал он. Наступила тишина. – На конкурсе мы должны выступить с актуальным произведением, с пьесой, которая будет говорить о нашей современной жизни.

Он вынул из своего потертого, видавшего виды портфеля рукопись толщиной в два пальца.

– В большинстве театров сейчас идет эта пьеса, – сказал он, показывая всем рукопись. – Называется «Вешние воды». Наша страна только вышла из войны. Мы вновь начинаем жить мирной жизнью. Мы должны залечить военные раны. В колхозах закипает трудовая жизнь. Распахиваются новые земли. Вешние воды, питая фруктовые сады Губы, чайные плантации Ленкорани, хлопковые поля Мугани, увеличивают урожаи. Давайте и мы внесем свой вклад в это движение обновления. Порадуем наших тружеников этим спектаклем.

«Ур-ра!», «Первое место будем нашим!», «Мы сорвем аплодисменты в Баку!», – закричали юные артисты. Только Нурага был мрачен, его мечте о роли Вагифа не суждено было сбыться. Это не ускользнуло от внимания руководителя драмкружка.

– Я уже распределил роли в этой пьесе, – сказал он.

Все замолчали и уставились на худрука. А тот подошел к Нураге и положил ему на плечо руку:

– Сошьешь себе штаны-галифе. Сапоги у тебя, кажется, есть. А поверх рубашки наденешь военный ремень. Будешь играть председателя колхоза.

Лицо Нураги аж просветлело. Он хлопнул в ладоши:

– Конечно, потом покажем этот спектакль в Баку. Меня оставят в театре стажером и по одному телефонному звонку примут в институт!

Художник сделал красивые декорации к спектаклю. На заднем плане были нарисованы две вершины Шахдага с плывущими над ними облаками, на переднем – яблони с прислоненными к стволам лестницами.

Я был за сценой. Из-за изношенной, изъеденной молью занавеси я наблюдал за зрительным залом.

В партере все места были заняты. Женщины в ложах прихорашивались, стараясь продемонстрировать свои драгоценности. Дети, пришедшие с родителями, скрестив ноги, сидели между рядами на полу. Стоящие у входа зрители, которым не хватило сидячих мест, держа в руках шапки, тоже, не дыша, смотрели на сцену, ожидая поднятия занавеса.

В жюри царило оживление. Али Тертерли, инструктор из райкома, вертел в руках программку. А вдруг ему не понравится моя фамилия – ведь она заканчивается на «бек». Что мне делать, если меня снимут со спектакля? Меня прошиб холодный пот. Я посмотрел на задумчивого человека, сидящего рядом с инструктором. Его я видел впервые. «Наверное, из Баку», – подумал я. Он был тихий, задумчивый и очень мне понравился. Его голубые глаза были устремлены на сцену, и по лицу его скользила едва уловимая улыбка. Он то и дело поправлял свои зачесанные назад волнистые волосы. Странно, занавес еще не поднят, что там есть такого, что человек этот все время улыбается, глядя на сцену? Может, он знает сюжет пьесы? Галстука на этом приезде из Баку не было. «Значит, любит свободу, не приемлет никакого давления», – решил я.

Мы за занавесом сбились в кучу. Худрук давал последние напутствия:

– Старайтесь в зал не смотреть. Не теряйтесь. Говорите громко, – затем вернулся на сцену и объявил членам жюри: – Мы готовы.

Председатель жюри – главный режиссер государственного драматического театра Губы – кивнул головой, улыбнулся и произнес:

– Можно начинать.

В спектакле я играл Угура, только что вернувшегося с фронта. Это был молодой человек, полный планов о строительстве в родном селе дорог, детского сада и школы.

В первой сцене я выступил не очень хорошо, найти путь к сердцам зрителей мне не удалось. Только в конце послышались редкие аплодисменты.

Во второй сцене я выступал в паре с Нурагой, который играл председателя колхоза Алхана. Я подошел к нему и сказал: «Спасибо, машаллах, вы до неузнаваемости изменили село. Колхоз разбогател, в село воду провели, в домах появилось радио». После этого Нурага-Алхан должен был перечислить новшества, которые еще ожидали сельчан. Но Нурага-Алхан вдруг замолчал и уставился на меня. Я тихонько дернул его за полу пиджака. Он молчал.

Главный режиссер, нервно закатывая рукава рубашки, кашлянул. Нурага молчал. Райкомовский инструктор, тыча своими длинными пальцами чуть ли не в лицо Нураги, крикнул:

– Ах ты... что ж... ты замер? Воды в рот набрал? Говори же!

Но Нурага молчал. Что же делать? Развернуться и дать ему пощечину, чтобы пришел в себя?! Но внутренний голос сказал: «Нет, так нельзя! Возьми себя в руки! Найди выход из положения!» Я потряс Нурагу за плечи:

– Значит, ты хочешь сказать, что Али, самый бедный человек в селе, больше не ест ржаной хлеб? А Мадад, который вечно ходил в рванье, теперь носит костюмы?

– Молодец, сынок, – вскочил с места «приезжий из Баку» и захлопал в ладоши.

У меня от радости сердце аж зашло. А как же?! Мне аплодировали. И не какие-то сверстники, а сам «приезжий из Баку», член жюри.

В зале стояла мертвая тишина. Нурага в задумчивости прохаживался по сцене. Дойдя до середины сцены, он вдруг закричал:

– Да, Угур, сынок, ты еще молод. Но знаний много не у того, кто много учился, а у того, кто много путешествовал. Ты, громя фашистов, прошел полмира. Вот скажи-ка мне, каким ты видишь будущее нашего села?

Вот тут меня прорвало. Разве не о светлом будущем нашего села я мечтал? С широкими улицами, высокими зданиями. Я совершенно позабыл о том, что нахожусь на сцене.

– Отцы, матери, – обратился я к залу и сидящим в первых рядах аксакалам. – Я хочу, чтобы в нашем селе дома строились по плану, вместо узких и кривых улочек проложили широкие асфальтовые улицы и площади. Я хочу, чтобы электричество не только освещало наши дома, но и подавало воду на наши пшеничные поля и возило грузы! Фруктовые сады ломаются от урожая, я хочу, чтобы в наших селах открывались консервные заводы.

Я вышел за пределы текста. Но я должен был сказать все, что у меня лежало на сердце. Вначале я хотел остановиться, но предпочел высказать наболевшие проблемы со сцены, даже если это кому-то не понравится.

– Растет поголовье скота. Нужно построить молочный комбинат. На строительство приходится везти кирпич из Баку. Хорошо бы самим иметь кирпичный завод.

Председатель жюри постучал карандашом по бутылке «Бадамлы», худрук грозил мне кулаком. «Бакинец» выглядел взволнованным. Он расстегнул ворот. Режиссер, вытянув руку, пытался что-то мне сказать, но «бакинец» опустил его руку. ...Наклонившись немного вперед, он все свое внимание сосредоточил на сцене. Его строгий взгляд немного смутил меня. Я уже не знал, что делать. Но останавливаться было уже поздно. И тут я услышал «бакинца»:

– Молодой человек, продолжай, играй роль дальше! Откуда у тебя столько страсти? Твои требования актуальны и идут от жизни. Будь смелее, не бойся! – подбодрил он меня.

И я, подумав: «двум смертям не бывать, а одной не миновать», продолжил с жаром:

– Гудиалчай протекает мимо нашего села, на его берегу можно построить курорт не хуже, чем Карловы Вары. Когда-то в этих местах бывал Кёроглу. Эта земля дала таких пехлеванов, как Сали Сулейман и **Тунч Муса**. Сейчас арена битвы принадлежит их внукам. Если в нашем селе построят спортивный комплекс, то олимпийские медали будут наши. На отрогах Шахдага природа создала естественные условия для лыжного спорта. Пусть Шахдаг станет символом высоты, на которую мы поднимемся. Травы на наших землях шелковые, родники сладкие, как мед, воздух пропитан мятой, а солнечные лучи нежны, как руки матери. Жизнь свою не пожалею за эту землю, за ее овраги и степи!

В зале раздался гром аплодисментов, стучали ногами, хлопали в ладоши, свистели. Раздавались крики: «Да здравствует автор», «Его перо сильнее штыка». Режиссер встал и повернулся к зрителям:

– Тихо, тихо, товарищи! Не нужно мешать нашей работе!

Но его уже никто не слушал. Зал гремел овацией. Режиссер повернулся к «бакинцу»:

– Что будем делать, товарищ автор? Вы создали нам проблему, – проворчал он. – Надо положить этому конец. Выйдите на сцену и скажите актеру, играющему Угура, чтобы не самовольничал. В противном случае я буду вынужден остановить спектакль!

«Приезжий из Баку» широко шагами поднялся на сцену. Растрепанной пятаерней зачесал волосы назад. Я видел, как он приближается. Мне стало страшно, что мне делать, если он прогонит меня со сцены. Я осторожно взглянул на его лицо. Глаза его горели, губы дрожали. Он подошел ко мне, взял за руку и потянул на авансцену:

– Дорогие зрители, поздравляю вас. Сейчас, на ваших глазах, на этой сцене мы открыли для себя этого смелого молодого и талантливого человека, чья душа и

сердце полны поэзии. Я – автор этого произведения Ильяс Эфендиев. Написанное автором – свято, и никто не имеет права менять в тексте даже одно слово. Но то, что от себя добавил сегодня в произведение Садреддин, всем понравилось. Если добавления актера приносят пользу произведению, то мы должны принять это. Я выражаю свою благодарность руководителю драмкружка и всему коллективу. А молодому актеру Садреддину желаю удачи, кто знает, может, в будущем он станет пламенным поэтом или писателем.

Зал взорвался аплодисментами. Ильяс-муаллим принимал от зрителей цветы, поднимал над головой, а потом передавал их мне. Несмолкающие аплодисменты воодушевляли меня на достижение вершины славы.

На смотре мы взяли первое место. Потом на автобусах нас повезли в Баку. Мы сыграли пьесу на сцене Национального театра. Выдающиеся мастера сцены высоко оценили наше исполнительское искусство и наградили нагрудными значками. Однако ни меня, ни Нурагу стажерами в театре не оставили. И в институт по телефонному звонку нас не устроили. Но еще в Губе, когда Ильяс-муаллим вывел меня на авансцену, сказав: «Садреддин обладает редким талантом! Я поражен его поэтическим даром», он указал мне жизненный путь.

В 1955 году Ильяс-муаллим выпустил свою пьесу «Вешние воды» в новой редакции. Моя роль в этом произведении стала первой главной ролью в моей жизни. Привязала меня к искусству, литературе...

* * *

...Я неотрывно смотрел на дорогу, а слух мой все пытался уловить звук подъезжающей машины! Я себя чувствовал щепкой, которую уносит селевым потоком. И никакой надежды на спасение. Если бы был хотя бы один спасительный лучик света, это придало бы мне сил, я бы все выдержал, вытерпел, выплыл. Но я один, словно в пустыне. Где ты, где же ты, мой Бог, покажи мне свои чудеса. Пусть в этой мертвой пустыне забьет родник «Абу-Земзем».

Я услышал звук подъезжающей машины. Такой звук может издавать только «Волга». Господи, помоги мне! Хотя, может, и не остановится она. «Терпение, терпение», – успокоил я себя. Да, из-за поворота выехала «Волга». Нет... откуда мне такое счастье?! Владелец такой машины не заинтересуется второсортным рестораном. Даже если эта машина остановится, вряд ли ее хозяин возьмет себе попутчика.

Автомобиль, подъезжая ко мне, сбавил скорость, кажется, даже кто-то помахал мне из машины рукой. Я протер глаза. Нет, точно мне оттуда махали рукой. Если машина повернет на площадь, значит, у меня есть шанс. Если же нет, какое мне дело, куда и зачем она едет. «Волга» остановилась у гостиницы «Шахдаг», задняя правая дверь открылась, оттуда вышел человек и раскрытой пятерней зачесал назад свои растрепанные волнистые волосы. Он заправил рубашку под ремень и, широко размахивая руками, уверенными шагами направился ко мне. Если бы у него в руках была палка, то можно было бы подумать, что он сейчас пустит ее в ход. По мере того, как он приближался ко мне, глаза его расширились, а лицо приобретало суровый вид. Ильяс-муаллим?! Да, так и есть.

Какая удача! Как же мне повезло! Я обрадовался как ребенок. Мне захотелось побежать ему навстречу и кинуться на шею, но я не решился. По его размашистым шагам было ясно, что он чем-то недоволен. И было от чего. В свое время он подержал меня, следил за моим творчеством, в выступлениях на пленумах приводил цитаты из моих стихов, защищал меня от завистников, включал меня в группу, когда выезжал в творческие командировки. Конечно, его, желающего видеть меня среди знаменитых и уважаемых людей, не мог не расстроить мой вид: заросший, в потрепанных брюках, в рубашке с оторванными пуговицами, в стоптанных туфлях. Он устремил на меня свой взгляд, способный разрушить гору за моей спиной.

– Что ты тут делаешь, Садраддин? Ты же сейчас должен быть в издательстве, работать. Когда бы я ни встретил Ислама Сафарли, он говорит, что возвращается из «Музгиза», куда ходил за гонораром. Недавно в парке им.Сабера встретил Сулеймана Рустама, сказал, что ты опубликовал его либретто «Журавль». Я порадовался, что у тебя дела идут хорошо – заключаешь договоры с поэтами, заказываешь песни композиторам, заслужил авторитет и уважение... Погоди, – он отступил назад. – Что это за вид, что за борода? Мама здорова ли?

– Да, спасибо.

– Ты здесь, наверное, в отпуске?

– Нет, издательство закрыли.

– Что? Кхе-кхе, – он кашлянул. – Вот как! Твой ровесник Халил Рза со словами «Не хочу свободы по чуть-чуть» ставит на колени советскую империю. В него стреляют, а он от своих идей не отказывается, его воля не сгибается. А закрытие издательства сломало тебя? Здесь почему стоишь?

– Хочу на попутной машине в Баку поехать.

– Отец, если Садраддин хочет поехать в Баку, давай отвезем его на автовокзал и посадим на рейсовый автобус, – сказал Тимучин, вытиравший в это время лобовое стекло.

– Нет, – сказал Ильяс-муаллим, немного подумав. – И потом тут дело довольно сложное, – он подошел к Тимучину, недовольно качая головой. – Сто раз отмерь, один раз отрежь. Не решай все в спешке. – Я напряг слух. – Я слышал, что он начал пить. – Мне хотелось провалиться сквозь землю. – Нет ничего проще, чем проводить его в Баку. Но это не выход. И что делать в такую жару в Баку?

– Я поеду и поругаюсь с председателем Союза писателей Мехти Гусейнзаде, – не выдержал я.

Взгляд Ильяс-муаллима стал жестче.

– Мехти Гусейнзаде – орел. При одном его имени все замолкают. Одно время в нашем Союзе писателей образовалась группа «Садрараг» («Серые шапки»). Их глава требовал себе и своим людям привилегии. Говорил, мол, в России Литфонд среднему писателю выделяет и дачу, и машину, и писаря, и повара, и садовника. Говорил: «Чем Толстой лучше меня? Дайте двух секретарш, и я каждый год вам на стол буду класть по «Войне и миру». Но Мехти Гусейнзаде их быстро приструнил. Многие были на ножах с Мехти из-за того, что он в лицо правду говорил, плохое называл плохим, хорошее – хорошим. Но если ты напишешь хорошее произведение, он раскрывал свои объятия. ...Чтобы биться с орлом, нужен орел. Ты только посмотри, кто собрался биться с Мехти Гусейнзаде! Написал бы стоящее произведение! Пока что этого нет. Но когда в прошлом году твои новые стихи вызвали резонанс, Мехти поздравил меня. Он знает, что я тебя опекаю. Почему ты им недоволен? Может, ты хочешь отдохнуть на даче в Переделкино или в Доме творчества в Ялте?

– Нет! Пусть Мехти-муаллим даст мне должность, пусть даст работу, чтобы я работал.

– Какую работу? Тебе дали работу. Ты член Союза писателей. Мехти Гусейнзаде выделил тебе в центре города трехкомнатную квартиру. У тебя хорошее перо. Пиши на злободневные темы. Если ты писатель, то должен подставить плечо своему народу. Проблем много, какую назвать? Хочешь работать – работай, пиши.

– Нет, я хочу показать себя. Гордиться своим творчеством.

– Я прекрасно понимаю тебя, Садреддин, – сказал Ильяс-муаллим. – Тебя волнует твое будущее, твое творчество. Это меня радует. Ты ищешь пути выхода. Но ты выбил мяч за пределы поля. Не оправдал моих надежд. И все же я не позволю тебе сломаться. Может, пламя творчества еще не вошло в твою душу, не потекло по венам? Вот я испытываю счастье, когда ставлю последнюю точку в своем произведении. Знаю, что меня будут поздравлять, слать телеграммы, звонить. Но откроет ли

мое произведение какую-нибудь закрытую дверь, станет ли лучиком надежды для сломленного? Мои произведения – это барабаны, бьющие тревогу. Я хочу слышать отголоски этого барабанного боя, хочу, чтобы они гремели еще громче. Но ведь и ты писатель, Садреддин, ты обязан принести славу своему народу. Садреддин, я верю, что ты поднимешься на Олимп, причем опираясь только на свои руки, ногтями и зубами вгрызаясь в горную твердь. Иди, садись в машину!

Мне показалось, что, если я помедлю, он силой затолкает меня в машину. Его слова, полные укоризны, словно острые ножи пронзали мою душу. Я хотел как-то отвертеться, но Ильяс-муаллим приказным тоном сказал:

– Иди!

Я понимал, что его расстроил мой убогий и несчастный вид. Помогать всем, кто искал у него помощи и поддержки, было в природе Ильяс-муаллима. Он любил меня. Кто-нибудь другой, увидев меня на дороге в таком состоянии, проехал бы мимо.

...Жизнь этого писателя, обогатившего нашу литературу гуманистическими образами, сама могла стать темой для захватывающего романа. Еще в молодые годы его произведения часто попадали под запрет. Но мир не без добрых людей. Главный редактор газеты «Коммунист» Али Велиев не раз вырывал его из рук палачей, спасал его, когда двери ада уже готовы были открыться перед ним. Писатель, немало пострадавший в свое время, не мог остаться безучастным к моей судьбе.

...Мы сели в машину. Тимучин нажал на педаль газа. Парк с кипарисами и чинарами остался позади. Доехав до перекрестка, Тимучин сбавил скорость и посмотрел на Ильяс-муаллима.

– Отец, куда ехать? В Баку или к тете? – спросил Тимучин.

Летние месяцы Ильяс-муаллим проводил на курортах Кисловодска. А когда возвращался в Баку, останавливался на несколько дней у своей сестры Махбубе в Губе, покупал ее детям одежду и школьные принадлежности. Затем встречался с доярками Сусая, Будуга и Хыналыга – эти встречи организовывались райкомом. Ночуя в шатрах пастухов, он любил рано утром пройтись босиком по нескошенной траве.

– Куда торопиться, за нами никто не гонится. Уже два дня в дороге. Садраддин, давай отдохнем в каком-нибудь прохладном месте, – предложил Ильяс-муаллим и, повернувшись, посмотрел на меня. – Ты хорошо знаешь эти места, где здесь можно хорошо отдохнуть?

Меня будто кипятком ошпарило. Мать тяжело больна, брат лишился доходного места. Пригласить домой было делом невозможным.

Что мне делать? Как решить эту проблему? Слова Ильяс-муаллима «ты хорошо знаешь эти места», означали, что я должен все организовать. И слова «где здесь можно хорошо отдохнуть?» вовсе не означают, что мы можем сесть на берегу реки и попросту ополоснуть ноги. Это может означать шашлык из молодого барашка на шампурах, с пылу с жару. Тушеная курица, мясо теленка в собственном соку, зеленые гутабы с домашним гатыгом! Но все это не дают за спасибо. Да, нелегко придется мне сегодня.

Я всегда был готов служить Ильяс-муаллиму. И вовсе не для того, чтобы он включил мои книги в издательский план и отправил меня представителем на съезд в Москву. А потому, что он человек слова и чести, готовый отдать всего себя за правое дело. На заседании Президиума Союза Писателей решался вопрос творческой командировки в Германию азербайджанских писателей. Я был удивлен дипломатическими способностями Ильяс-муаллима. Любезно выслушав каждого, он обратился к писателям: «А может быть, мы отправим пару молодых писателей в эту командировку? Они – наше будущее и наша надежда. Сегодняшняя Европа – это модернизм и многие другие литературные тенденции. Молодежь быстрее перенимает инновации. Они могут добавить от себя что-то новое в современное развитие. В результате наша литература станет богаче и привлечет читателей. Давайте пошлем молодых и

активных писателей». Предложение было принято. Только ради этого дипломатического решения вопроса я был готов устроить пир для Ильяс-муаллима.

Но куда мне вести гостей, может в курортную зону Гашреш?

С заведующим курорта Бабой я ходил вместе в детский сад и в школе мы сидели за одной партой. Позже, когда с руководством района мы приезжали сюда, он выбегал нам навстречу со словами: «Да, Садрадин, мой друг детства», пытаюсь таким образом заработать себе очки.

Так в чем же дело, чего я так боюсь? Деньги уходят, в основном, на водку и вино. А Ильяс-муаллим в жизни никогда не пил. И я соберу себя в кулак, потерплю, не буду пить. «Может быть, мне удастся как-нибудь выкрутиться из сложившейся ситуации, – подумал я, – отведу в сторонку Бабу, и скажу ему: Выручай брат, мы же с тобой друзья детства, мой гость знаменитый писатель. Он заменил мне отца. Накрой нам стол, только дорогие блюда не подавай. Подай легкие салаты. Гонорар за мои новые стихи уже в пути, дня через два-три расплачусь с тобой». Надеюсь, он мне поверит и не оставит меня в неловкой ситуации.

– Тимучин, вези нас к источнику Гашреш. Жара стоит такая, что люди спасаются в лесах. Отдохнем там, – сказал я.

Тимучин не ответил.

– Да, источник Гашреш, – сказал Ильяс-муаллим и на минуту задумался. Потом добавил: – У этого источника много народу бывает?

– В домиках мест свободных нет! Приходится накрывать столы на скалах. Некоторые вынуждены есть стоя, возле буфета. Все роднятся здесь. Знакомые и незнакомые угощают друг друга.

Ильяс-муаллим кивнул.

– Люблю я такое согласие и единство. Мое сердце радуется, когда люди доброжелательны к друг другу, – сказал он и легонько хлопнул Тимучина по плечу.

Машина взяла курс в направлении источника Гашреш. Вдали виднелся Шахдаг, впадина в середине напоминала седло. Асфальтовую дорогу по обе стороны обрамляли торжественно выстроенные в ряд чинары.

Чем ближе был Шахдаг, тем лучше становилось на сердце. От прохладного воздуха по телу пробежала сладостная дрожь. Через открытое окно салона машины наполнился запахом трав и луговых цветов, крики пастушков, отгоняющих назойливых кузнечиков, напомнили мне мое детство, которое прошло в этих краях. Прямо здесь, в лесах Гашреша, я пил воду, которая набиралась в листья лопухов, набивал живот мушмулой, боярышником и орехами и, наполнив свою тележку сухим хворостом, распевая песни и пританцовывая, приезжал на городской базар. Эти леса и кормили меня, и одевали, научили меня не склонять голову перед трудностями и вдохновили меня на поэзию.

Машина бесшумно двигалась по лесной дороге. Увидев с правой стороны восклицательный знак на указателе, Тимучин нажал на педаль тормоза, и машина снизила скорость.

Впереди тракторы разбивали скалу, рабочие в желтых спецовках кирками и лопатами копали рвы. Экскаваторщик зачерпывал своим большим ковшом камни и песок и высыпал в кузов рядом стоящей машины. Часть песка высыпалась, не дойдя до кузова, поднимая клубы пыли. Ильяс-муаллим захотел открыть дверцу машины.

– Отец, что ты делаешь? – сказал Тимучин и убрал его руку с ручки дверцы. – Не выходи, сейчас проскочим. Мне часто снится наше путешествие в Сарсанг. Хочу забыть об этом, как о страшном сне.

– Не говори так. А что делать тем, кто днем и ночью работает в таких условиях? Они содержат семьи, растят детей и делают наше будущее светлее. Пыль и смрад Сарсанга осели в моих легких и крови, сынок. И однажды эти камни и пыль золотыми строчками пролились на лист бумаги. Я написал роман «Көрпүсаланлар» (в русском

варианте «Кизиловый мост» – **Ред.**). Останови машину! Я хочу выйти. Посмотри на яму, которую оставил после себя бульдозер. Там, сбоку, должен быть древний полноводный арык, называется арык Шихмамед. Меценат по имени Шейх Мамед провёл его. Бульдозерист не обратит на это внимания. Забьет еще невзначай.

Мы вышли из машины, и вдруг к нам навстречу выбежал запыхавшийся, чисто выбритый, раскрасневшийся молодой человек:

– Уберите машину отсюда! Экскаватор может повредить ваш автомобиль! – увидев, что его просьба осталась без должной реакции, прораб спросил у Ильяс-муаллима: – Простите меня, кто вы? Мне знакомо ваше лицо. Я вас где-то видел? – он снял очки, вытер их о сатиновый пиджак и снова надел. – Кажется, да, в деревне Галахудат. Мы строили там ферму. Руководство совхоза планировало провести с вами встречу. Да, я вспомнил. Вы писатель! Ильяс-муаллим, этот экскаваторщик – стахановец. Он выполняет работу десятерых рабочих. Любит, когда его хвалят. Если о нем что-то напишут, рабочая производительность у него станет еще больше. Но прошу вас, уберите отсюда свою машину. Поезжайте через лес, – и указал в сторону холма. – Я попрошу ребят, они спилят несколько деревьев и откроют вам дорогу.

«Как это спилят деревья и откроют дорогу? – задумался я на секунду. – Это тот самый лес, где за каждое спиленное дерево, за каждую сломанную ветку лесничий Бахтияр мог учинить страшную расправу. И правильно делал! И деревья, и реки, и птицы, и человек свою жизнь должны прожить сполна».

Я только хотел открыть рот, как Тимучин подошел к прорабу и сказал:

– Товарищ, ничего не надо. Нет никакой нужды рубить деревья. Я сам смогу найти дорогу и выехать.

Ильяс-муаллим направился к площадке, где работал экскаваторщик. «Стахановец» остановил свою работу, высунул из окна кабинки голову.

– Нет, ты посмотри, что делается, – недовольно качая головой, сказал Ильяс-муаллим. – Разве может быть такая безответственность? – он повернулся к прорабу. – Ну, экскаваторщик – подневольный человек, он выполняет приказ, как вы говорите, работает за десятерых. Но вы ведь – образованный, грамотный специалист. Ваша работа должна прославлять вас. Поэтому вы должны знать, что находится вокруг вашего объекта, исследовать каждый сантиметр.

– А в чем дело, Ильяс-муаллим? Кабель здесь не проходит, канализационных линий нет. Стройка идет по плану.

– А этот арык, вы что, не видите его? Этот арык – исторический памятник.

– Где вы здесь видите исторический памятник? Если здесь был бы памятник истории, я бы тоже его заметил! – но увидев строгий взгляд Ильяс-муаллима, прораб опустил глаза. – Ильяс-муаллим, чем вы недовольны?

– Иди сюда, – он взял прораба под руку. Они направились в сторону арыка. Ильяс-муаллим остановился возле куста ежевики. – Я говорю про этот арык. На первый взгляд здесь нет никакого движения. Но если присмотреться, то ты увидишь, как внизу тихо течет вода.

– Не могу поверить своим глазам, вода из арыка течет вверх.

– Да, этот арык был проведен по уникальному расчету. Вода под действием своей силы течет из ущелья в селение Деведабаны в предгорьях Губы.

– Получается, что этот шейх жил в селении «Деведабаны» и провел туда воду из реки Гудиялчай? – спросил прораб.

– Нет, Шихмамед жил совсем в другой деревне. Там у него, если выразиться современным языком, была хорошая вилла, пышные сады и родники.

– Тогда почему он провел этот арык в селение Деведабаны?

– Величие души и благородство воодушевляют людей на благотворительность. В селении Деведабаны была засуха, и люди, жившие там, страдали, были лишены возможности вспахать и засеивать свои земли. И арык, проведенный для них Ших-

мамедом, вернул жизнь этим землям. Были заложены сады и огороды. Помогать людям – это традиция нашего народа. Такие люди как Гаджи Зейналабдин Тагиев, Муса Нагиев появились не на пустом месте. Они создавали рабочие места, открывали школы и театры. Зейналабдин Тагиев потратил несколько миллионов, чтобы провести шолларскую воду в Баку.

Прораб виновато почесал за ухом.

– Где у нас такие возможности?! Я занимаюсь мелкой работой. Прокладываю мост над оврагом. Мне дали план, и я должен его выполнить.

– Как тебя зовут, сынок? – спросил Ильяс-муаллим.

– Я Зульфугар, внук каменщика Хашемина.

Ильяс-муаллим повернулся ко мне:

– Садрадин, вы можете написать очерк про труд людей, которые здесь работают. Мосты, соединяющие людей, могут вдохновить наших писателей-романистов. Здесь есть очень богатый материал для газеты «Молодежь Азербайджана». Мосты, проложенные над оврагами и реками, объединяют страны, народы и культуры. Репортаж можно называть «Мост Зульфугара».

Для профессионала достаточно одного знака, а я не из тех, до кого все туго доходит. Я хорошо понимал, что этим очерком Ильяс-муаллим хочет снова меня вернуть в мир литературы. Он пытался раздуть из искры пламя.

Зульфугар медленно поднял голову и отвел в сторону покрасневшее лицо:

– Простите меня, я должен идти, мне нужно отпустить бригаду на перерыв.

Наступила тяжелая тишина. В этом лесу я хорошо знал каждый куст, различал шелест листьев, трескотню насекомых. Но что это за шум? Как будто в лесу кто-то бился на мечах. Звуки ударов топоров о стволы деревьев напоминали пулеметную очередь. Казалось, деревья стонали и просили пощады, но палачи были безжалостны, и удары сыпались один за другим. Люди, рубившие деревья, не были бессердечными. Но нужда в хлебе насущном и обязанность перед семьями делали их черствыми. Чувство чести и совести наполняет душу человека, но не кормит его.

– Ильяс-муаллим, во многих странах мира много голодных, нищих людей. В Мозамбике, Танзании дети рождаются больными. Почему люди не живут, как люди? ООН твердит о создании процветающего мира. Много говорят, дают пустые обещания. При этом каждый день в мире от голода умирает триста тысяч человек. Бог создал этот мир и все его блага для того, чтобы люди были здоровыми. Один японский писатель сказал: «Я не люблю людей». Это его беда, но во многих случаях мы тоже не видим человеческого единства.

– В целом я согласен с тобой. Но давай поговорим конкретнее!

– С удовольствием. Со мной часто такое происходило. Я покупал билет на спектакль, который давно хотел посмотреть. Но двери театра были закрыты. Выяснилось, что спектакль отменили из-за того, что билетов было продано недостаточно. А как же те люди, которые отложили свои дела, выкроили время, купили билеты и пришли на спектакль? Почему они должны быть лишены возможности посмотреть спектакль?

Ильяс-муаллим расстегнул ворот рубашки. Казалось, ему не хватает воздуха.

– Ты задел мое больное место. Конечно же, это неуважение к зрителю. Этот вопрос выносился на заседание коллегии в Министерстве культуры. Я говорил, что если в зале есть хотя бы один зритель, то спектакль должен быть сыгран.

– А если быть справедливым до конца, то как, скажите, может существовать театр, если продается всего один билет? Чем платить работникам театра, как расплатиться за коммунальные услуги?

– Садрадин, ты опять попал в десятку. Меня очень тревожит, что театр сам себя должен содержать. Как ни стараюсь, ответа на этот вопрос найти не могу. У меня есть возможности решить эту проблему. Спектакль по моей пьесе «Ты всегда со мной» успешно был сыгран на сцене. На нем присутствовал первый секретарь ЦК

Гейдар Алиев. Ему очень понравился спектакль. После его окончания он собрал всех нас, похвалил работу ведущих актеров, оценил режиссерские находки, отметил, что драматургия Джафара Джаббарлы играет большую роль в азербайджанской литературе. Я стоял в сторонке и слушал его, он подошел поприветствовать меня, и я, пользуясь случаем, затронул проблему самоокупаемости театра. Он внимательно меня выслушал, а потом, смеясь, сказал: «Ильяс-муаллим, я вижу, вас очень тревожит этот вопрос, думаю, некоторые наши министры услышат вас и подготовят дельные предложения. Государство должно заботиться об искусстве. Задача литературы и искусства заключается в том, чтобы воспитывать в людях высокие чувства. Я двумя руками голосую за то, что спектакль должен быть сыгран, даже если в зале всего один зритель. Может, в этом спектакле зритель найдет ответ на долго мучавший его вопрос. Может, просмотренный спектакль поможет решить какие-то его семейные или производственные проблемы. И если даже этот один-единственный зритель придет на спектакль дважды, труппа должна выступить перед ним. Человек должен быть выше всего»... Вот так-то, дорогой Садреддин, у нас сложная профессия. Поставив точку, ты думаешь, что выразил свою мысль, но уже через минуту понимаешь, что ничего не написал, и опять хватаешься за перо. В Национальном драматическом театре ставятся спектакли по моим произведениям. Роман «Не оглядывайся назад, старик» переведен на многие языки. Мои повести и рассказы известны во всем мире, поток писем от читателей не прекращается. А что в итоге? Я был бы более счастлив, если бы мог выдать замуж девушку-хлопкоробку, которая трудится под знойным солнцем Кюрдмира. Каждое произведение – это частичка души автора, его переживаний. Хотелось бы, чтобы мои произведения, как кинжал, рассекали все препятствия. Чтобы обезумевший от любви Меджнун в поисках своей Лейли мог бы найти пути для воссоединения с ней. Хочу, чтобы мои произведения были призывом против землячества, родства, коррумпированности.

Ильяс-муаллим замолчал. Потом вдруг, повысив тон, словно рядом были плохо слышащие люди, сказал:

– Не останавливайся! Молчание, застой – означает разложение. ... Муза не прощает измены. Но эта муза может поднять на своих крыльях до небес того, кто служит ей верой и правдой. А с тобой дьявол сыграл злую шутку, ты запутался в его сетях. Ты поддался дьяволу, и муза отвернулась от тебя. Когда писатель сбивается с дороги, он теряет себя, как поезд, сошедший с рельсов.

Меня прошиб холодный пот, губы пересохли, мне трудно было глотать. Меня душил кашель, я не мог издать ни звука.

– Тимучин, мне трудно дышать из-за этой пыли, в бардачке есть что-нибудь, чтобы смочить горло? – спросил Ильяс-муаллим.

– Нет, отец, ничего нет. Но впереди есть магазин, если хочешь, я могу купить там бутылку, – сказал он и хитро улыбнулся мне.

Я не сдержался:

– Знаешь что? Мне ничего не нужно, – сказал я.

– Вообще-то я имел в виду холодную бутылку «Бадамлы», – сказал Тимучин.

«Умри, Садраддин, так тебе и надо. Он испытывает тебя. Ты должен выдерживать. Сталь закаляется под молотом» ...

Ильяс-муаллим протянул мне мандарин, который он вытащил из бардачка.

Это как бироте – вначале дают подзатыльник, а потом булочку? Хочет утешить меня? Но кто бы смог проглотить подобный упрек? Я молча, терпеливо сносил свой позор. Боль, поразившая меня у подножия Шахдага, вновь овладела мной.

Тимучин въехал во двор ресторана, мы вышли из машины. Я проводил Ильяс-муаллима, чтобы он смог умыться с дороги. Сейчас мой друг Баба выбежит к нам навстречу и радостно скажет: «Мы жаждали тебя, поэт, где тебя носит? Ты несешь с собой благословение. Когда ты здесь, даже листья на этих деревьях превращаются

в деньги», – и поведет нас к самому лучшему домику.

Родник находился в овраге. Веяло прохладой, цветы у обочины дороги были только что политы. Я вдохнул полной грудью. Нарциссы, досыта напившись влаги, гордо подняли свои головы. Глядя, как ветер колышет лилии и тюльпаны, я вспомнил последние аккорды симфонического мугама «Кюрд овшары» Фикрета Амирова.

А вот и Баба! Но я не слышу привычных слов восторга при виде меня. Не вижу его расплывающейся по всему лицу улыбки. Где теплые объятия, где горячие поцелуи? С поджатыми губами и сведенными к переносице бровями, с кислым лицом Баба нехотя подошел к нам.

– Эх, оборвалась твоя ленточка, поэт, да, оборвалась, – сказал Баба.

Меня как будто ударило током:

– Что значит «оборвалась ленточка»? Что ты этим хочешь сказать?

– Откуда мне знать? Но так говорят ашуги, когда не везет с костями. А твоя ленточка точно оборвалась.

Меня сковал ужас.

– Нет, ничего не оборвалось. Я этого не позволю. Я пришел к тебе с Ильяс-муаллимом. Он непьющий. Да и я тоже перешел на «сухой закон». С нами у тебя не будет большой растраты. Прошу тебя, обслужи нас.

– Ты имеешь в виду писателя Ильяса Эфендиева?

– Да, это великий писатель.

Баба задумался на мгновение. Потом взглянул на меня и хитро улыбнулся.

– Ильяс-муаллим дорогой гость для меня. Мне ничего не жалко для него. Но ты сбился с пути и ленточку свою оборвал. И даже если ты приведешь сюда весь Союз Писателей, это тебе не поможет!

Я вытащил из кармана удостоверение Союза писателей и сунул ему под нос:

– Возьми это в залог!

Баба покрутил в руках удостоверение и помахал им, как веером:

– Скоро сюда придут инкассаторы государственного банка забирать выручку. Ты предлагаешь сдать им твое удостоверение? Извини, ничем не могу помочь. Вот видишь в первом домике человека, это главный прокурор Хачмаса. Клиент должен быть таким! Я ему еще ни выпивки, ни шашлыка не поднес. А он пачку денег выложил передо мной. В ресторан нужно так ходить, а не как ты, с пустым карманом. Ты был достойным человеком, и у тебя денег куры не клевали. И я гордился тобой.

– Все, что ты говоришь, истинная правда. Но у меня сложная ситуация. Жаль! Конечно же, сытый голодного не разумеет, – сказал я. – В надежде на тебя я привел сюда моего гостя! Как мне теперь быть?!

– погоди, не пори горячку. У писателя если нет денег, то уж точно есть Бог над головой, – сказал Баба и улыбнулся. – На «Второй просеке» делают лесозаготовки. Рубят электропилой, топором, как попало, грузят на машины и вывозят. Лесорубы хорошие деньги там зарабатывают. Ты профессионал в этом деле. У тебя есть опыт. Для тебя срубить дуб и разрезать на куски – раз плюнуть.

– Кто дает разрешение?

– Лесничий, дядя Бахтияр.

– Интересно, узнает он меня, если увидит?

– Да даже если и не узнает! Дружба-дружкой, а денежки счет любят. Так что ты подайся лучше на «Вторую просеку». Тебе покажут, какие деревья нужно рубить. Разрубишь ствол на бруски и соберешь в тележку, а дядя Бахтияр переведет твою работу в кубы и на месте расплатится с тобой.

– А как же топор, большой железный клин, – где я их возьму?

– Он все сам даст тебе. погоди, рука руку моет, – с этими словами он быстрыми шагами направился под навес, где на углях жарился шашлык.

Я увидел свет в конце тоннеля, и мне стало как-то легко дышать.

«Если топор будет острый, то срубить дерево не составит труда. А разрубить на бруски и сложить в тележку дело легкое. Пока Ильяс-муаллим будет отдыхать с до-роги, я успею вернуться и заказать хороший стол, – подумал я. – Только вот на «Вторую просеку» путь не близкий. Пешком это займет не меньше часа. Погоди, почему это пешком? На машине Тимучина поеду», – решил я. Вернулся Баба и протянул мне полную сумку.

– Возьми это, передашь бригадиру Саше, – сказал он.

Тимучин проверял масло в машине. Увидев меня, он опустил капот машины и пошел мне навстречу.

– Хороший шанс. Отец отдыхает в гостинице. Вот прямо сейчас и разберемся, где черное, а где – белое. Давай присядем вот на эту зеленую траву и сыграем в нарды. Я покажу тебе мастер-класс. А если тебя это расстроит, выпьешь кувшин холодной воды, и все пройдет!

– Да! Ну что ж? Только не забывай что это моя родина Губа. Никто не мог победить мифического героя Ахиллеса, пока его нога касалась земли. Послушай, как шелестит листва над головой. Она уже сейчас аплодирует моей победе. Но, к сожалению, Тимучин, я не смогу с тобой сыграть. Мне срочно нужно ехать в лес на «Вторую просеку».

– Почему? Что-то случилось? – Тимучин серьезно посмотрел на меня.

– Ничего особенного. Не беспокойся. Приближается зима, и люди запасаются дровами. Матери нужны дрова на зиму. Через час вернусь.

– Это для тети Саяд? Пойдем, конечно. Лень и апатия одолевают человека на курортах. Уже сколько времени я не занимаюсь в спортзале, не поднимаю штангу, не боксирую. А в лесу я хоть немного разомнусь.

Через несколько минут мы были на уже знакомой мне «Второй просеке». Чем дальше мы пробирались, тем гуще становился лес. То тут, то там слышался стук топоров. Этот стук, как лай бешеных собак, терзал мою душу. А известно ли тем счастливицам, которые сейчас отдыхают у родников, под тенью раскидистых ветвей, о трагедии деревьев? А ведь именно корни деревьев, проходя через подземные камни и скалы, напиваясь соком земли, питают эти родники, делая их чистыми и звонкими!

Дядя Бахтияр сразу узнал меня.

– Где же тебя носило все это время? Тебя и не узнать, вон как вымахал, возмужал. А все потому, что ты вырос в этих лесах. Именно физическая работа в лесу стала фундаментом для твоего здоровья. Несмотря на твой небольшой рост, ты проворнее всех взваливал на плечи тюки с сухим хворостом. Я слышал, ты стал писателем? Только очень уж нервная работа у писателей. Возвращайся ко мне. Осенью яичница с зеленью, а зимой – шашлык из кабана. А работа для тебя всегда найдется!

Сашу мы нашли возле заготовленных дров. Все его лицо было в древесной пыли. Он пожал мне руку, и я почувствовал его мозолистую ладонь.

– Ого, какие люди! – сказал Саша, широко улыбаясь.

Я протянул ему сверток, переданный Бабой.

– Это Баба прислал тебе.

– Ух ты, красавчик Баба! Битый парень. И знакомства хорошие имеет с нужными людьми. И клиент хороший, – сказал Саша и открыл сумку. – Вот это да! Ну, молодец! Зелень, овощи! А это что такое? Шашлыки, тушеное мясо, антрекоты! Да тут еще две бутылки «Московской» есть! – Затем обернулся к нам с Тимучином: – Значит, я помогу вам срубить два дерева, затем распилим их на бруски и сложим в тележку. А дядя Бахтияр посчитает деньги за два куба и отдаст вам.

Тимучин снял рубашку и бросил ее на ближайший куст. Подняв над головой топор, он, что есть силы, ударил по стволу дерева. Топор со звоном отскакивал, словно от камня. Мышцы на руках и спине Тимучина постепенно начинали раздуваться.

– Молодец, настоящий Геркулес – сказал Саша, глядя на Тимучина. – Seriously взялся за дело. Но даже если он срубит его, толку не будет. Слишком узловатый ствол у этого дерева. Если ствол не распиливается по стандарту, то древесина считается негодной. – Сказав это, Саша откупорил бутылку, сделал несколько глотков из горлышка. У меня потекли слюнки, и я звучно сглотнул слюну. «Будь что будет, была, не была», – подумал я и схватился за горлышко бутылки, но Саша подался назад, и моя рука повисла в воздухе. Мне стало стыдно, что у меня вырвали бутылку.

– погоди, не конец же света... Жди своей очереди, – с насмешкой сказал он. Я как будто пробудился от тяжелого сна.

– Здесь неучтенных деревьев не осталось, мы все срубили, – сказал Саша. – Завтра придет комиссия и проведет ревизию. Вы можете подождать до завтра?

Увидев, что я замялся, Саша сказал:

– Ну, раз вы принесли с собой топоры, значит, деревья должны быть срублены и распилены сегодня. Молодой человек, – он протянул руку, – вы видите два фиштакковых дерева на холме? Как они прекрасны. Они могут прожить еще тысячу лет. Только я их спилю под корень и присыплю землей!

– Как у тебя только рука поднимается? Тебе не жаль? Эти деревья делают наш воздух чище, радуют глаз, ветки служат домом для птиц, служат прибежищем для зверей и насекомых.

– А что мне делать? Что-то уходит, что-то приходит. Это закон жизни. И это не мной придумано. Я отец, и у меня тоже есть мечты и желания. Такие крутые парни, как вы, приезжают сюда на пикник с красивыми девушками, а я сыну велосипед не могу купить. Девушки не могут выйти замуж потому, что у них нет достойного приданого. Я должен семью свою содержать, а зарплата – кот наплакал.

– На чужом несчастье счастья себе не построишь, – сказал я. – Каждое дерево все равно, что клад.

Я вышел из леса в подавленном состоянии и с пустыми руками. Бессилие и неспособность что-то сделать тяжелым грузом давили на плечи. Застолье для гостей не состоится. Сейчас я не то, что бутылку, но целую бочку бы выпил. Тогда бы мне море было по колено. На глаза Ильяс-муаллиму показаться было стыдно. Я не мог найти выхода из сложившейся ситуации. Может, вернуться к Саше и забрать у него бутылку? Но что будет потом? Если я сорвусь, то придется проститься со всеми моими планами. Броситься с вершины «Qizil Qaya». Но нет, Коран запрещает самоубийство. Бог не прощает таких вещей. Нужно проводить Тимучина и вернуться к роднику, – думал я, подходя к машине.

Тимучин остановил машину возле калитки. Баба, увидев нас издалека, пошел к нам навстречу и взял меня под руку.

– Ну вот, я решил все твои проблемы, – и, повернувшись в сторону мангалов, кликнул властным голосом: – Эй, ребята, там, в домике с правой стороны, напротив родника, накройте хороший стол. Заставьте стол самыми лучшими закусками и напитками, – приказал он.

Ужас сковал меня, я не знал, как буду расплачиваться за все это...

...Но Баба сказал:

– Водитель Тахира Султанова принес запечатанную коробку и сказал, что это – посылка для поэта. Коробка в кабинете. Пойдем, вскроем и посмотрим.

Я открыл коробку. Здесь были костюм, туфли, рубашка и галстук.

– Это письмо тоже для тебя, – сказал Баба и протянул мне письмо.

Я взял конверт и на минутку задумался. «Это тот самый Тахир – дипломат, политик, филантроп, могущественный бизнесмен, поэт, который знает всему цену. Здесь же не театр, чтобы мне наряжаться. Может быть, ему стало известно о моих трудностях? Может быть, в конверте и деньги есть?!» Я вскрыл конверт. Денег не было, но было письмо.

«Садраддин, – писал Тахир, – я сидел с гостями из Баку и видел, как вы выходили из машины. Я послал водителя на склад. Надень эти вещи. Ильяс-муаллим – знаменитый писатель, если он водит с тобой дружбу, значит, доверяет тебе. Спасибо ему за доверие. Держись за него крепко! Пусть он гордится тобой, этим ты и нас порадуешь. Извини, я срочно должен отвезти гостей в Баку».

Баба взглянул на этикетку костюма:

– И рубашка, и галстук – отличного качества, – сказал он, и широко улыбнулся.

– Тахир опять ставит меня в неловкое положение, – сказал я.

– Да ладно тебе, он может себе это позволить. Для него это капля в море, – сказал Баба и закрыл коробку.

– Баба, ты деловой человек и знаешь цену всему. Как ты думаешь, сколько все это может стоить? – спросил я.

– Точную цену не скажу. Но в Красной слободе все это сметут в мгновение ока. Барыга Симон легко даст за это 500-600 рублей.

Я ничего не ответил, но по коже пробежал холодок. Я чувствовал, как мои губы расплываются в улыбке и постарался скрыть свою радость. Теперь я спокойно могу сесть за богато накрытый стол, который подготовил для нас Баба и расплатиться за все посредством этого дорогого подарка.

Родник находился в ущелье. Чистый, прохладный воздух наполнял долину. Морось в голубоватом небе дрожала, как тюлевая занавеска. Высохшая от пота рубашка прилипла к моему телу и жгла меня.

Чем ближе мы подходили к роднику, тем темнее становилось в лесу. Беседки у подножия горы светились неоновым светом. Построенные на железобетонных основаниях, сложенные из белого камня, они издали привлекали внимание. Между беседками и родником был постелен ковер. Официантки в белых передниках проворно бегали туда-сюда.

С левой стороны пировала группа людей во главе с краснолицым прокурором, которого Баба представил как богатого человека. Шашлыки из мяса и курицы подносились с пылу, с жару. На стол подавались и тарелки с долмой, и плов на подносах. Я подошел к Бабе, который наблюдал за пиршеством. Увидев меня, прокурор поднял свое тучное тело и, вытерев губы салфеткой, сунул ее себе в карман.

– Эй, Баба-муаллим, что за неучтивость? Почему ты не приглашаешь за мой стол этих уважаемых людей? – и подошел к нам. – Для представителей интеллигенции нам ничего не жалко. Ничего, что лицо заросло щетиной, глядишь, завтра станет депутатом или секретарем райкома. Вот, – он протянул руку в сторону протекавшего внизу арыка, – вы давеча уехали куда-то на машине, а этот пожилой человек, который приехал с вами из Баку, какой-то странный.

Тимучин нахмурил брови.

– Вы имеете в виду Ильяс-муаллима? Что вас удивило в нем? – спросил я.

– Да как сказать, он подошел и встал возле арыка, смотрел, как течет вода, на камни на дне реки, будто с ними разговаривал, пошел вдоль арыка и вон там, на лужайке, присел на корточки и стал умываться. Видно, жара замучила его. Только он показался мне знакомым, где-то я его видел. Кто этот мужчина?

– Писатель, поэт, знаменитый драматург. Ильяс Эфендиев, – сказал я.

– Надо же! Что вы говорите?! Надо же, какое везение! Моя жена не пропускает ни одного спектакля по его пьесам, а потом целый месяц в доме только и слышишь, что ее восторги. Все твердит, «Ильяс-муаллим – настоящий писатель, так точно все выразил». Я тоже читал его книги. Несколько раз он был награжден орденами. Все это замечательно. Теперь все ясно. Но вы видите вон ту поляну, – он указал на открытую поляну среди скал. – Да, видите, на поляне стоит граб?

– Да, видим, – сказал Тимучин. – И что с этим деревом не так?

– Не знаю! Но Ильяс-муаллим крутился вокруг этого дерева и что-то бормотал.

Потом подпер свисавшие ветки, стал гладить листья молодого карагача, который растет рядом с грабом. После отошел и прислонился к скале. Прости меня, муаллим, я человек далеко не глупый, но понять действия Ильяс-муаллима я не могу.

– Все ясно. Скорее всего, Ильяс-муаллим на той поляне репетировал постановку новой пьесы. А граб, молодой карагач, скалы – все это живые артисты.

– Ах, вот оно что. Тогда у меня есть просьба к нему, как вы думаете, не откажет он? – сказал смущенно прокурор.

Тимучин озабоченно повернулся ко мне и хитро улыбнулся:

– Этот занятный дядя, наверное, хочет занять большую должность в республиканской прокуратуре.

Баба дал команду: «Писателям, прибывшим из Баку, должен быть оказан наилучший прием». Официанты поставили стол в тени раскидистого граба. Смуглая кудрявая официантка с локонами, спадавшими ей на плечи, казалось, работала не только руками, но и глазами, и бровями, делая какие-то знаки. С засученными до локтей руками, она расправляла скатерть на столе, выбраковывала, если попадались, старые вилки и ложки и, нахмутив брови, торопила шашлычника.

– Назлы, Назлы, – крикнул ей Баба.

– Слушаю, дядя Баба, – отозвалась девушка.

– У меня в кабинете есть новый японский обеденный сервиз. Принеси его и займись сервировкой!

Кудрявая официантка помахала нам платком, приглашая к столу.

Арык делил поляну на две части, потом, разбиваясь о скалу, струился вниз. Под сверкающими лучами солнца водопад сверкал, как выкрашенные белой краской железные крыши в дождливый день.

Раскидистые ветки граба колыхались на ветру. Вода в арыке билась о скалу, издавая звуки, напоминающие звуки настраиваемого тара.

Назлы обратилась к Ильяс-муаллиму:

– Я давно мечтала познакомиться с вами.

– Вот как? Могу вам чем-то помочь? – вопросительно взглянул Ильяс-муаллим на официантку.

– Одну минуту... я хотела кое-о-чем попросить вас! – она быстрыми шагами направилась к подсобному столику, стала что-то искать там, один за другим выдвигая ящики. Наконец достала книгу и, перелистывая ее на ходу, направилась к нам. Ильяс-муаллим делал заметки в своем блокноте. Назлы подошла к нему и осторожно положила книжку перед ним. Увидев книгу Ильяс-муаллим широко улыбнулся.

– Вот уж не думал, что моя книга может дойти до такой глухой деревни.

– Весть об этой книге дошла до нашей деревни раньше, чем сама книга. Мы заказали ее через «Азеркитаб», и нам из Баку прислали двести экземпляров. В течение двух дней все было распродано. Не могли бы вы дать свой автограф? – сказала Назлы и ткнула указательным пальцем в титульный лист.

– Конечно же, могу! Только мне интересно, ты нашла в этой книге что-то полезное для себя?

– Конечно, все рассказы читаются с большим интересом. Рассказ «Унесло потоком Сару» написан с болью, каждая страница пылает огнем. В честь Сары даже есть песня «Унесло потоком Сару», каждый раз, когда я слышу ее, я хочу, чтобы эта река высохла. Но Сара из вашего рассказа – не покорная, она не бессловесная. Примером отваги ей послужили небезызвестные Томирис, Хаджар.

– Да-да, – сказал Ильяс-муаллим и провел ладонью по волосам. Писатель видел плоды своего труда, видел, что его старания и бессонные ночи не пропали зря.

– В песне Сара бросается в реку, выражая таким образом протест против насилия и общественного мнения, – сказала Назлы, – но сейчас времена изменились, сейчас женщина имеет право голоса, может выбрать себе любую профессию, везде только и говорят о свободе женщины. Но, к сожалению, есть еще те, кто считает рождение девочки в семье несчастьем, они спешат выдать своих дочерей за кого угодно, только бы поскорее избавиться от них.

– Да, особенно в южных регионах. Очень жаль! Видимо, просветительская работа проводится в этих местах недостаточно, – покачал головой Ильяс-муаллим.

– Но в нашем селе есть девушки, которые борются за свои права. Одна из девушек, которая не хотела выходить замуж за пожилого, нелюбимого человека, не стала лить слезы, паниковать и просить помощи у матери, просто дала прочитать своему отцу ваш рассказ «Сара» из этой книги.

– Да, молодец, очень отважная и современная девушка. А был результат?

– Конечно, был! Отец расторг помолвку, и эта девушка сейчас учится в университете на факультете филологии.

– Очень смелый поступок. Об этом можно написать что-то очень интересное, – сказал Ильяс-муаллим и многозначительно посмотрел на меня. – Ну, что скажешь? Можно написать очерк-портрет, а для радио можно написать лирическую новеллу, – Ильяс-муаллим продолжал тактические атаки, желая вернуть меня к творческой деятельности. Затем он обратился к Назлы: – Та девушка – герой. Разрешите мне подарить эту книгу той героической девушке. Ты можешь назвать мне ее имя?

– Могу. Ее зовут Назлы.

Ильяс-муаллим подписал титульный лист книги и протянул ее девушке.

– Передай эту книгу Назлы.

– Спасибо. Но книга останется у меня.

– Почему у вас?

– Потому что я и есть та самая Назлы, – сказала девушка и смущенно опустила голову.

– На каком факультете университета ты учишься?

– На факультете филологии. Я учусь заочно. А еще я пишу стихи и рассказы.

Ильяс-муаллим протянул Назлы ручку с золотым пером.

– Это перо приносит удачу. Все, что я написал этим пером, было опубликовано. Я дарю его тебе. Дарю, чтобы ты могла написать красивые стихи и рассказы, которые могли бы вдохновить читателей на борьбу с несправедливостью.

– Не знаю, может, отцы правы, что хотят поскорее выдать своих дочерей замуж? – сказала Назлы, и на ее глаза навернулись слезы. Потом еле слышным голосом спросила: – Что вам принести?

Настал момент истины. Я должен опередить Ильяс-муаллима и сделать заказ. Баба оценил подарок Тахира в пятьсот-шестьсот рублей. Мне не жаль потратить эти деньги на застолье!

– Назлы-ханым, мы сильно проголодались! Принесите нам чего-нибудь вкусенького, только не скупитесь. Пусть всего будет вдоволь. И жареное, и отварное, и кутабы не забудьте, – сказал я.

Вскоре наш стол ломился от обилия блюд.

Аромат тушеного мяса и свежее испеченных лепешек сводил с ума. На шампурах мясо чередовалось с кусочками белого курдюка. Соус из уксуса с чесноком возбуждал аппетит.

Но выше нас, в домике с зелено-красными шарами, стояла мертвая тишина. Собравшиеся здесь раболепствующие чиновники изредка протягивали руки, брали со стола хлеб с сыром и в ожидании указаний напряженно наблюдали, как первый секретарь жадно ел руками лучшие блюда ресторана, игнорируя столовые приборы.

– Товарищ Новрузов, почему, когда ты ешь, у тебя шевелятся уши?

Но Новрузов ничего не ел. «Как могут шевелиться уши, если я ничего не делаю?», – хотел возразить секретарю Новрузов, но не рискнул.

– Так точно, товарищ Омаров, мои уши больше не будут шевелиться, – и прикрыл руками свои уши.

– Открой свои уши! Боже, кто меня окружает! Где ум кончается, там глупость начинается. До тебя и так все туго доходит, а если ты еще и уши прикроешь, вообще превратишься в бревно. Я же приказал, чтобы ты привел ко мне этого Ильяс-муаллима! В чем дело?

– Как только я его ни просил, он все равно отказался.

– Почему? В чем причина?

– Никакой особенной причины нет. Сказал только «Спасибо», и все.

– Нужно было уговорить его! Сказал бы: «Первый секретарь часто говорит о вас. На рабочих совещаниях дает нам ценную информацию о ваших зрителях. Он почитает за честь посидеть с вами. Вы великий писатель. Мы часто видели вас вместе с руководителями государства, они часто ходят в театр на ваши спектакли. Глава государства наградил вас орденами и медалями, сделал вас Народным писателем. Мы в долгу перед вами». Ты сказал ему все это?

– Конечно, конечно! Я все сказал, товарищ Омаров. Я еще сказал, что мы помним, как в прошлом году он навестил свою сестру, которая живет в нашем совхозе «Бахарлы». Там постоянно отключался свет. Мы никак не могли решить эту проблему. Но стоило вам один раз позвонить в Баку, и с тех пор в совхозе и днем, и ночью есть свет. Наш секретарь товарищ Омаров очень уважает и любит вас, – сказал я.

– Да, хорошо сказал. А он что ответил тебе?

– Сказал, передайте ему мой привет. Но что я могу сделать, ко мне пришло столько друзей. Я не могу уйти и оставить их здесь. Пусть секретарь простит меня.

– Садись на место, бездарный. Партийный работник должен уметь даже иголку из стога сена достать. Придется самому заняться этим делом.

В соседних беседках кипела жизнь. Вдруг из-за накрытого напротив нас стола поднялся коренастый парень:

– Слава Ильяс-муаллиму! Большое уважение и почтение великому писателю! – выкрикнул он. Смех тут же прекратился. Увидев, что внимание всех обращено к нему, парень продолжил: – Удивительная штука жизнь, Ильяс-муаллим. Я вашу пьесу «Не могу забыть» не на сцене театра, а на борту корабля, в далекой Испании смотрел.

Ильяс-муаллим поднялся.

– Что-что? В Испании? На борту корабля? Когда?

Парень пожал руку Ильяс-муаллиму. Он был взволнован и возбужден, большие черные глаза блестели.

– Ильяс-муаллим, разрешите пришвартоваться к вашему столу? – спросил он.

– Конечно, буду очень рад. Присоединяйтесь! Морякам на суше, везде, где им понравится, есть место, – сказал Ильяс-муаллим и улыбнулся. Тимучин усадил гостя.

– Меня зовут Сахават, – сказал парень. – Долгое время я работал матросом в Каспийском пароходстве, плавал на корабле. Потом выучился, стал капитаном. Когда выпадало время, любил читать книги. У вас есть одно произведение – «Не оглядывайся назад, старик». Правда, немного печальное. Все, что остается позади, считай, потеряно. Так и проходит время, выливаясь в дни и годы. Все прошедшее сродни старым, вышедшим из употребления деньгам.

Ильяс-муаллим повернулся в мою сторону:

– Садреддин, наш моряк – тоже поэт!

– Потому что моряки, не успев отчалить от одного берега, попадают под очарование другого берега. Тоска по дому, по земле ни на минуту не покидает их. Они становятся сентиментальными и ранимыми. В небесной выси, в широте горизонта, в переливах волн есть поэзия, – заметил я.

– Ильяс-муаллим, а хотите знать, что мне понравилось больше всего в том романе? – спросил парень.

– Да, это было бы очень интересно. Что же вам понравилось? Может быть, живописная природа Гарабага или искренняя привязанность народа к земле?!

– Это самой собой, Ильяс-муаллим! Но в Гарабаге один аксакал по имени Байрамали носит при себе маузер.

– Так...

– Читая роман, я все ждал, когда выстрелит этот маузер. Но маузер так ни разу и не выстрелил. Но если бы, не дай Бог, маузер выстрелил, то соловьи из Туршсу, с родника Исы, покинули бы эти места. И прекрасный воздух Гарабаха потерял бы свою чистоту и прозрачность, все было бы отравлено, и тогда мир музыки был бы лишен таких певцов, как Сейид Шушинский, дядя Хан, Бюльбюль.

– Ты правильно уловил мысль, понял, почему оружие не выстрелило...

...В наступившей тишине послышалось бляение. По тропинке в нашу сторону направлялись мужчина и женщина. Мужчина, привязав веревку к рогам барана, изо всех сил тянул упирающееся животное.

– Шахназ, зачем так мучить животное? Грех это. Если его нужно зарезать, давай я быстро разделаюсь с ним.

– Да погоди ты, Сулейман, дай мне доставить жертвенного барашка на место, – не сдавалась жена. Потом рукой показала в сторону Ильяс-муаллима: – Я так долго ждала, когда он приедет на родник Гашреш! Уже вся деревня знает о его приезде. Весь народ собирается сюда. Сегодня здесь будет праздник. И этот жертвенный барашек должен быть зарезан у его ног. Я же при тебе не раз повторяла этот обет.

Ильяс-муаллим поднялся навстречу женщине и попытался ее успокоить.

– Дочка, к чему все эти хлопоты и подарки! Вы ставите меня в неловкое положение. Если чем-то могу вам помочь, то не стесняйтесь, говорите. Сделаю все, что в моих силах. Если дети ваши хотят поступить в бакинский институт, пусть приезжают в Баку, мой сын Тимучин поможет подготовить документы и сдать их, куда нужно. Если у вас проблемы со здоровьем, я позвоню в министерство здравоохранения и договорюсь с врачами. Если вы хотите устроиться на работу, с удовольствием помогу. Но все это не стоит ваших хлопот!

– Нет, Ильяс-муаллим, мне ничего не нужно, я пришла выразить вам благодарность, – сказала женщина. – Сейчас я очень счастлива, – она смущенно потупила глаза. – За это я должна сказать спасибо Богу на небесах, и вам – на земле. А причиной всему ваш рассказ. Благодаря этому рассказу, я стала самым счастливым человеком на земле.

– Да? – Ильяс-муаллим смущенно закашлял. – Ханым, счастье в руках Бога и судьбы. Но и у слова есть сила строить города и рассекать скалы. О каком же рассказе идет речь?

– Вот мой муж, его зовут Сулейман. Он тракторист, для него трактор – это и работа, и развлечение. Когда я училась в девятом классе, он признался мне в любви. Сказал, что любит меня больше, чем Меджнун свою Лейли. Я прямо ответила ему, что никогда не выйду за него. Я подумала, он всего лишь тракторист, зачем он мне нужен. Но вот мне в руки попал ваш рассказ «Кирщик и красная роза». Я прочла этот рассказ. В нем прекрасная девушка, которой я даже в подметки не гожусь, влюбляется в кирщика. Я как будто пробудилась от тяжелого сна. Сомнению не было больше места. Подобрав подол юбки, я побежала в сторону, откуда раздавался звук работающего трактора. Прибежала и села к нему в кабинку. С тех пор я самый счастливый человек на свете. Ни в чем он не отказывает мне. Я так сильно его люблю, что мазут и солярка для меня сейчас все равно, что аромат духов.

– Шахназ, мне здесь резать этого барана, или живьем отправим в Баку? – спросил Сулейман.

– Нет-нет, зачем в Баку? – запротестовал Ильяс-муаллим. – Весь народ здесь собрался.

Люди, рассевишиеся, где придется, накрыв импровизированные столы, поднимали свои бокалы и со словами «Живите сто лет, Ильяс-муаллим», «Да будет ваше перо острым», опустошали свои бокалы. Я не мог расслабиться, с одной стороны чувство зависти (да-да, я должен в этом признаться!), с другой – запрет на выпивку, раздражали меня. Однако я должен как-то присоединиться к торжеству, произнести тост за здоровье драматурга. Выпив водки, я сразу стану смелее, язык развяжется, зрочки расширятся, и я смогу рассказать о великодушии мастера, о том, как он протягивает руку помощи утопающим, помогает подняться упавшим, служит опорой беспомощным. Я взял в руки запотевший стакан, холодный пот прошиб меня.

Я с завистью смотрел, как Ильяс-муаллим хмелеет от народной любви. Я положил стакан: «Нет, я тоже должен покорить эти вершины, и на крыльях вдохновения увековечить себя в памяти людей».

Вся поляна была заполнена людьми. Все стремились на торжество в честь Ильяс-муаллима, хотели перекинуться с ним хотя бы одним словом, сфотографироваться с ним на память.

Помощник первого секретаря райкома Новрузов вышел из домика, где обедал первый секретарь. Он спустился по ступенькам, отстранил рукой официантку, которая побежала к нему навстречу, подошел к нашему столу и встал напротив Ильяс-муаллима.

– Ильяс-муаллим, наш первый секретарь накрыл стол, соответствующий вашему положению, – сказал он и показал рукой в сторону домика. – Да, товарищ Омаров ждет вас, чтобы начать пиршество в вашу честь. Нам тоже будет приятно послушать ваши мудрые речи. Ну, давайте, вставайте, пойдём!

– Большое спасибо. С товарищем Омаровым я незнаком, но вижу, что он очень гостеприимный!

– Да, он говорит о вашем творчестве на собраниях районных интеллектуалов. Он очень уважаемый человек и планирует избрать вас почетным гражданином нашего района. Пойдемте, познакомьтесь с ним поближе.

Ильяс-муаллим посмотрел на Тимучина. Тот вскинул плечами, как бы говоря «Не знаю». Это не прошло мимо взгляда помощника.

– Ничего страшного, этот молодой человек тоже может пойти с нами.

– Этот молодой человек – мой сын. Искусствовед, ученый.

– Очень хорошо. Просто замечательно. Идемте же, и мне не будет стыдно перед первым секретарем. Потом прямо отсюда мы отправимся в гостиницу райкома. Вы можете отдохнуть там пару недель. Я сам буду у вас в услужении. – Вдруг он резко повернулся и впился в меня глазами. – Но... ммм... – замаялся он, – если не секрет, кто этот заросший человек, который сидит возле вас? Может быть, это ваш шофер? Ну что с того, что шофер? Нельзя так неуважительно относиться к хозяину, – сказал он, осуждающе посмотрев на меня. – Ты не можешь сесть где-то в другом месте?

Я не помню, как схватил бутылку. Мне хотелось или разбить эту бутылку о голову райкомовского прихвостня, или опустошить ее до дна. Но если бы я выпил всю эту бутылку, я бы потерял себя, и свет моего пера погас бы навсегда. Нет, я должен вернуть свою музу, которой когда-то изменил.

Помощник секретаря нагнулся и взял Ильяс-муаллима под руку:

– Ну давайте, поднимайтесь. И насчет этого шофера не переживайте, я сейчас прикажу, и ему принесут и плов, и жаркое, и льявянги. Я сам лично выберу для него самые жирные куски шашлыка.

– Думайте, когда говорите. Сто раз отмерь, один раз отрежь. Не следует принимать за бродягу каждого встречного, – сказал Ильяс-муаллим, лицо его изменилось, глаза метали искры. – Этот человек – замечательный поэт. Оригинальность его

состоит в том, что его слова – иглы. Он не скользкий, как мыло. Его образы на первый взгляд такие же запутанные, как его волосы и борода. Но если приглядеться внимательно, то эти образы светятся изнутри. Он не преподносит свои произведения в виде халвы своему читателю, они твердые и раскусить их не так-то просто. Если бы я не встретился с этим замечательным поэтом у «Yoxuş başında», я бы никогда сюда не приехал. Конечно, я не жалею что приехал сюда, здесь я воочию смог увидеть плоды своего труда. Это мой друг по перу. Даже в самом маленьком поэте есть величие Физули. Что с того, что он в спешке не побрился? Да и одежда изношена. Главное, что у него чистое сердце, и он очень любит свою профессию. Я не могу оставить раненого товарища по оружию, поэтому никуда не пойду. И потом, посмотрите сколько у меня гостей. Передайте мою благодарность товарищу Омарову.

Помощник секретаря посчитал меня недостойным Ильяс-муаллима. И краснолицый прокурор, который вытирал вспотевшее лицо и шею, недовольно мерил меня взглядом. Директор завода, у которого нос свисал, как хохолок у индюшки, встретившись со мной взглядом, скривил лицо. Я был унижен и оскорблен. Нет, я должен положить конец всему этому. Но как? Может быть, мне сбежать к реке и помыть свои туфли, хорошенько отряхнуть пиджак? Но как мне быть с бородой? От бороды мне не удастся избавиться. Вся надежда на подаренный костюм, который находился в кабинете у Бабы. В нем я буду выглядеть очень достойно. Хорошо, допустим, что я надел одежду, но кто будет платить по счетам за этот прием?

Баба встретил меня у двери:

– Что случилось? За тобой гонятся? Почему ты покинул пиршество?

– Ты не видишь, в каком я виде? Я выгляжу как оборванец.

– Возьми эту бритву и приведи себя в порядок. Распакуй коробку и надень на себя все эти вещи.

– Вот это да! Я не узнаю тебя, Баба, не верю своим ушам! Что-то случилось?

– Мы друзья с детства. И как бы там ни было, я не оставлю тебя.

– Не понимаю. Еще час тому назад ты был груб со мной, а теперь изменился?!

В чем секрет этой игры?

– Знаешь что? Я твой самый близкий друг, не так ли? Но такой жалкий алкоголик мне тоже не нужен. От бездарного сына и мать может отвернуться, и родня. Я был с тобой груб, чтобы дать тебе понять, что ты стоишь на краю обрыва и, пока не поздно, нужно повернуть обратно. В районе все отвернулись от тебя. Теперь я вижу, что ты понял свою ошибку и вернулся на верный путь. Погоди-ка, дай-ка я посмотрю на тебя, нет, ты не похож на алкоголика, – он приблизился, обнял меня, а затем крепко обнял. – Молодец, ты не пил сегодня, никакого винного запаха, ура! Значит, есть надежда! Для такого, как ты сейчас, я готов на все! Стало быть, твоя совесть просыпается, и это замечательно. Ну, иди, переоденься и возвращайся к столу, не задерживайся.

– Нет! Это категорически невозможно. Я не хочу быть твоим должником. Я не прикоснусь к подаркам Тахира, пусть остаются здесь. Они с лихвой покроют расходы за прием в честь Ильяс-муаллима. И мы будем с тобой в расчете!

– Не говори глупости. О расчете мы с тобой потом поговорим. Сейчас секретарь райкома придет к Ильяс-муаллиму. Ты прилично должен выглядеть там. Улучи минутку и прочти там свои стихи. Намекни, что ты родом из Губы. Я попросил Ильяс-муаллима замолвить за тебя словечко, чтобы тебе нашли работу в райкоме. Будешь мне опорой среди важных людей. Станешь работать, дела пойдут хорошо. Торопись, не задерживайся, – сказал Баба.

Своим дружеским расположением и заботой Баба вернул меня к жизни. Можно заработать все богатства мира, но потерять друга невыносимо – все равно, что живо похоронить человека. Какое счастье, что Бог вернул нас друг другу!

По лестнице домика официанты с трудом спустили широкое, мягкое кресло.

Помощник секретаря сделал знак и кресло поднесли к Ильяс-муаллиму. Ильяс-муаллим спросил:

– Зачем нужен этот трон? Я очень удобно расположился, и меня окружают такие же простые люди, как и я сам.

– Нет-нет! Вы не беспокойтесь. Это кресло первого секретаря. Он хочет с вами поведаться. Хочет сесть возле вас.

Ильяс-муаллим закашлял.

– Ну что же, только здесь много места, посадите, куда хотите.

Двери домика с шумом распахнулись. Баба, стоявший у лестницы, взглянув наверх, громко кашлянул. Официантки в белых передниках вытянулись в струнку. Назлы подошла к Ильяс-муаллиму:

– Это наш секретарь, он сейчас подойдет к вам, – шепнула она ему.

Секретарь был плотным широкоплечим человеком, нос картошкой. Держась руками за перила, он старался удержать равновесие. Своим видом он напоминал военачальника, принимающего военный парад. Секретарь тяжело спустился по ступенькам, сложил руки за спиной и уверенно, тяжелыми шагами подошел к нашему столу. Ильяс-муаллим встал и, указав на кресло, сказал:

– Проходите, садитесь на ваш трон.

– Я очень рад видеть вас здесь, Ильяс-муаллим, – сказал секретарь. – Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вы часто бываете на официальных и торжественных приемах главы государства. Как партийные и государственные работники, мы тоже рады служить вам. Это морально-этические нормы. Но я послал к вам своего человека с просьбой, – он обернулся назад и посмотрел на своего помощника.

Помощник стоял по стойке смирно, потом еле слышным голосом сказал:

– Товарищ Омаров, я очень просил Ильяс-муаллима, чтобы он поднялся к вам.

– Да, это верно, я получил приглашение. Спасибо за внимание. Но я не хотел мешать вашему отдыху, – тихо сказал Ильяс-муаллим. – И потом, я не мог оставить своих друзей и гостей. Они все пришли повидать меня, мы проводим время в теплой дружеской обстановке.

– Ну что ж, замечательно, – сказал секретарь и краем глаза оценил накрытый стол. – Но я хотел бы сделать несколько организационных изменений, – он стал осматриваться по сторонам. – Где Баба? – сердито спросил он.

– Я здесь. Что прикажете, товарищ Омаров? – сказал Баба и вышел из тени. – Чего-то не хватает? Если что не так, вы только скажите, все будет сделано.

– Перенесите это кресло в более просторное место. Здесь все давит на меня. Работникам глобального мышления требуется простор. Партийный деятель должен говорить и действовать в большом диапазоне.

Идя вслед за официантами, несущими его кресло, он недовольно смотрел на людей, которые устроили себе трапезу, усевшись, где придется. Потом приказал:

– Баба, приборы и скатерть Ильяс-муаллима срочно замени! Пусть принесут самые приличные блюда. Есть рыба без костей? – спросил он.

– Какая хотите, причем свежая. По вашему приказу развожу в бассейне.

– В конце подашь шашлыки. А как насчет французского коньяка?

– Да, товарищ Омаров, причем коньяк, производства фирмы «Lama-Lansen», который пьет сам президент Франции. Дай Бог вам здоровья. Мы знаем ваш вкус, товарищ Омаров.

Товарищ Омаров равнодушным, холодным взглядом пробежал по сидевшим за столом. Дойдя до меня, он на мгновение задумался. Потом обратился к Ильяс-муаллиму:

– Этот симпатичный парень, который сидит рядом с вами, мне знаком. Мммм... Не могу вспомнить, где я его видел. Вспомнил! Я видел его по телевизору. И, если я не ошибаюсь, он тоже писатель. И зовут его, по-моему, Насреддин.

– Все верно, он замечательный поэт. А зовут его не Насреддин, а Садреддин. Он ваш земляк, из Губы. Он занимал ответственную должность в Баку.

– Нет, Ильяс-муаллим, я далек от принципов землячества и родства. Я с уважением отношусь к людям, которые с большой ответственностью и рвением сердца выполняют свои партийные обязанности.

– Садреддин очень честный и мужественный поэт. Он хороший организатор. Он может стать вашей правой рукой. Дайте ему должность. В случае необходимости мы можем предоставить официальное письмо из Союза писателей.

– А почему Союз писателей не дает ему должность?

– Как вы хорошо знаете, наша партия и правительство стараются распространять культурно-просветительскую работу на окраинах. Я бы хотел, чтобы вы стали одним из первых, кто присоединится к этому лозунгу.

– Ммм... – пробормотал товарищ Омаров. Наткнулся камень о скалу. Ильяс-муаллим обосновал просьбу политическим мотивом. – Ммм... – секретарь сел в свое кресло, откинул голову. – Хорошо, пусть прочтет свои стихи. Посмотрим, какой это поэт, – решил, наконец, товарищ Омаров.

Настал мой час. Необходимо было любым способом завоевать доверие секретаря. Я могу получить должность, а это власть, авторитет, уважение. Для меня откроются новые возможности, я смогу построить дом, летом отдыхать на курортах. Я подскочил с места, повернулся к секретарю, но не как к официальному лицу, а как к отцу, старшему брату, как к своему спасителю. Своими стихами я должен был показать, что зову людей в светлое будущее.

*Дайте мне свет – и не простой,
Схвачусь всем существом за луч его,
Пройду без страха чрез все испытания,
Сам стану светом для других.*

Секретарь бросил вилку в тарелку и поднялся.

– Стой! Дальше продолжать не нужно! Это не стихи. Это абсурд. Вы видели этот самый свет? Советские люди покоряют небеса. Настало и ваше время расправить крылья и летать. А ваша муза мечется в темноте. Нет, это не наша дорога! Она противоречит нашей политике. Вам нужно определиться с выбором пути, молодой человек – сказал он и скривил лицо. Затем, повернувшись к Ильяс-муаллиму, сказал: – Дорогой Ильяс-муаллим, вы настоящий народный писатель, видный идеолог партии и правительства. Первый бокал я хочу поднять за ваше здоровье. Что вы будете пить? – он поднял руку и щёлкнул пальцами: – Э...э... Баба, где ты?

Баба подошел к Ильяс-муаллиму.

– Что вы будете пить? – повторил секретарь. – Коньяк, виски, бренди, ром, может быть, более натуральные напитки, тутовую или клубничную наливку? – посмотрев на Бабу, он спросил, чуть повысив тон: – Баба, в чем дело? Будь расторопнее. Наполни бокал коньяком. Ну, поднимите бокал, Ильяс-муаллим. Желаю вам крепкого здоровья и вдохновения.

– Простите, – сказал Ильяс-муаллим. Он слегка покраснел. – Спасибо вам за внимание и проявленное уважение. Ваши пожелания искренни и идут от сердца. Но я не пью алкогольных напитков. Простите, ради Бога. Ни разу в жизни не пробовал.

– Ммм... – пробормотал секретарь и оглядел окружающих.

Еще недавно краснолицый прокурор почернел от страха. Он постучал пальцем по столу и, чтобы как-то разрядить ситуацию, решил выступить в роли заступника секретаря.

– Ильяс-муаллим, коньяк очень полезен для сердца. Он расширяет стенки сосудов, разгоняет кровь, зрение становится более острым, открывает аппетит. Поднимите свой бокал, давайте выпьем. И настроение у всех поднимется. Мы не часто

ходим на пикники. А пикник, устроенный первым секретарем, вообще вещь редкая! А после я произнесу еще один тост!

Ильяс-муаллим не любил два раза повторять одно и то же, поэтому он поерзал на месте и хмуро поглядел на прокурора. Секретарь взглянул на коренастого гостя, который сидел напротив него, явно ожидая от него поддержки своего предложения.

Директор Сумгайтского каучукового завода с носом, похожим на хохолок индюшки, сказал:

– Да, товарищ секретарь, я пью за этот тост, – с этими словами он залпом опустошил свой бокал, заев соленым огурцом, потом вытер платком выступивший на лбу пот и, смеясь, обратился к Ильяс-муаллиму: – Конечно, это не первый раз, когда мы можем поднять бокалы в честь Ильяс-муаллима! – и, оглянувшись по сторонам, сказал: – Кто у нас тамада, наполните мой бокал.

Секретарь нахмурил брови, не видя поддержки директору завода.

Заметив это, Ильяс-муаллим сказал:

– Ну, что поделать? Давайте чокнемся бокалами. Я обниму вас крепко, как своего родного сына, – и кивком головы указал на Тимучина. – Но пить не буду. Я дожил до глубоких седин и никогда не пил.

Секретарь не привык, чтобы ему прекословили. Он повел плечами и поднял голову:

– Все понятно. Значит, даже на самых серьезных мероприятиях вы не пьете. Но в этот раз вы выпьете. Я скажу такой тост, что вы выпьете весь бокал до последней капли, – сказал секретарь.

Ильяс-муаллим молчал. Неуместное, бессмысленное упрямство секретаря удивило его.

Вдруг губы секретаря съезжились, глаза заблестели, лоб сморщился. Ведь его предложение не было встречено одобрением.

– Вот что я вам скажу, Ильяс-муаллим. Я поднимаю этот бокал за лидера Коммунистической партии Советского Союза, за великого Ленина! Такой тост игнорировать нельзя, поднимите свой бокал!

Ильяс-муаллим вздрогнул. Лозунг «Коммунистическая партия» и «Великий Ленин» прозвучали как пощечина. Его всегда улыбчивое лицо нахмурилось. Он столкнулся с самым грубым шантажом в своей жизни и не видел выхода из сложившейся ситуации, но при этом он не мог позволить, чтобы его считали врагом народа, Коммунистической партии и Ленина. Ему вспомнился Али Велиев, который в свое время спас его из ада. Где теперь Али? Кто-то коснулся его левого локтя. Он оглянулся, это был его сын, кивком головы он успокоил отца и поднялся.

– Уважаемый товарищ Омаров, – сказал он и улыбнулся, отчего у него на подбородке и щеках появились ямочки, и он стал еще привлекательнее. – Мой отец очень уважает вас. В своих работах он восхваляет идеи Коммунистической партии, бессмертного Ленина. Ильяс-муаллим всей душой служит советской идеологии, но если он отказывается пить, значит, тому есть какая-то причина.

– Кто вы такой? Никто не смеет перебивать меня! Я вам не давал слова. Ильяс-муаллим не нуждается в адвокатах.

– Я сын Ильяс-муаллима Тимучин. Отец хорошо научил меня, где молчать, а где говорить. Ранее отец сказал, что не пьет. Но если бы вы спросили, почему он не пьет, то не возникло бы такого напряжения.

– Что я должен спросить? Слава Богу, у нас богато накрытый стол и вкусная еда!

– Но здесь не хватает одной важной вещи.

Секретарь краем глаза пробежал по столу и сердито посмотрел на Бабу. Баба спросил удивленно:

– Чего недостает? Вы только скажите, я из-под земли достану!

– Спасибо, дядя Баба, – сказал Тимучин и повернулся лицом к секретарю. – Мы возвращаемся из Кисловодска. Утром мы прибыли в город Худат. Нас встретил друг моего отца и первый секретарь Хачмаза дядя Балакиши. Они накрыли нам щедрый стол. Он рассказал нам, что его район получил переходящее Красное знамя по всем отраслям сельского хозяйства. – Рассказывая, Тимучин подмигивал мне, давая тем самым понять, что все это выдумка. Ильяс-муаллим хоть и был рассержен на сына за то, что он несет небылицы, тем не менее не останавливал его и ждал, чем все это закончится. Тимучин продолжал: – Когда дядя Балакиши наполнял бокалы, мое внимание привлекла бутылка с этикеткой «Кремлёвская звезда». Я спросил: «Дядя Балакиши, я никогда и нигде не видел бутылки с такой этикеткой, откуда это?» «Давай выпьем, потом я отвечу тебе на твой вопрос – сказал он. – Я поднимаю этот бокал в честь тружеников Хачмаза, – сказал дядя Балакиши. – Из Москвы нам прислали переходящие знамена, а из Кремля мы получили множество подарков, среди них была и эта бутылка». И представьте себе, что мой отец, никогда не пьющий, с удовольствием выпил эту водку. Конечно, мы часто приезжаем в Губу, товарищ Омаров. В следующем году вы выполните все планы по всем отраслям сельского хозяйства, и переходящие знамена передадут вам, и вы получите такие же подарки из Кремля. И вот тогда мой отец, Ильяс Эфендиев, выпьет с вами за такой тост.

– Почему же на нашем столе нет этой самой «Кремлевской» водки? – ударив кулаком по столу, спросил первый секретарь у Бабы.

– Послушайте, не нервничайте, – сказал Тимучин. – Баба тут ни при чем. В продаже такой водки нет. Об этом мне сказал дядя Балакиши. Эту водку им прислали из Кремля. Ее присылают секретарям райкомов, которые стали победителями в социалистическом соревновании.

– Товарищ Новрузов, а мы не получили переходящие знамена по всем отраслям сельского хозяйства?

– Только по двум-трем отраслям. Мы не смогли выполнить план, – опустив голову, ответил Новрузов.

– Поднимайся! Идем срочно собирать актив. Я сам лично должен заняться этим вопросом. Вы лишили меня такого гостя, как Ильяс-муаллим, – сказал секретарь, встал и, грубо отовинув свое кресло, большими шагами направился к выходу.

Стемнело, но мы не уходили. Я подозвал Бабу.

– Чем могу служить? – спросил он.

– Принеси нам счет! – сказал я.

– Счет давно оплачен, причем, с лихвой.

– Что значит оплачен? Кем?

– Сыном Ильяс-муаллима – это раз, – он стал загибать пальцы, – потом морским капитаном, потом хозяйкой овцы Шахназ-ханым, потом прокурором Хачмаза, потом директором завода из Сумгайыта, все они оплатили счет Ильяс-муаллима.

– Наверное, не нужно было у всех брать деньги, – сказал Ильяс-муаллим и усмехнулся.

– Все эти деньги ваши, – сказал Баба.

– Мне ничего не нужно. Порядок такой: ты должен ответить добром на оказанное тебе радушие. Баба, здесь у тебя все красиво. Попробуй провести горячую воду в гостиницу, – сказал Ильяс-муаллим и пошел в сторону машины...